

18+

ЛЕНА МАЛЬЦЕВА

18+

ПУБЛИЧНЫЙ ДИАГНОЗ

*В мире, где лайки важнее правды,
один снимок может стать приговором*

Основано на реальной истории

Лена Мальцева

Публичный диагноз

«Издательские решения»

Мальцева Л.

Публичный диагноз / Л. Мальцева — «Издательские решения»,

В тихом Мейплвуде Амели — надёжный детский врач и опора любящей семьи. Но после участия в откровенном фотопроекте по просьбе подруги её жизнь рушится: анонимные сообщения и шёпоты за спиной перерастают в реальные угрозы, а репутация оказывается под ударом из-за одного клика. Сможет ли Амели отстоять себя? А вы? Основа сюжета вдохновлена реальными событиями. Имена, детали и финал — художественный вымысел.

© Мальцева Л.

© Издательские решения

Содержание

Интерес	6
Ожидание	13
Недоумение	20
Тревога	26
Страх	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Публичный диагноз

Лена Мальцева

Моим мальчикам Матвею, Артёму и Василию с бескрайней любовью...

Бетаридер Елизавета Литвинова
Дизайнер обложки Дарья Смирных

© Лена Мальцева, 2026

ISBN 978-5-0069-9500-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интерес

Солнце пробивалось сквозь кружевные занавески моего окна, окрашивая комнату в мягкие золотистые тона. Лето в Мейплвуде всегда начиналось так — с робкого, но уверенного тепла, которое постепенно проникало в каждый уголок сонного городка.

Звон будильника врезался в тишину моей спальни, пронзительный и настойчивый, как крик младенца. Вздыхнув, я нащарила рукой по тумбочке, нащупала кнопку и отключила эту пытку. 6:30. Пора вставать. Мой день, как и любой другой, начинается рано. Я — Амели, детский врач, педиатр в нашем маленьком, тихом городке. И для меня, наверное, стабильность — это не просто слово, это образ жизни.

Я потянулась, чувствуя, как просыпаются мои мышцы, и улыбнулась новому дню. Сегодня мне нужно быть особенно внимательной, ведь маленькие пациенты ждут.

Внизу, в саду, малиновки уже вовсю распевали свои трели. Папа, наверняка, уже колдует над своими розами — его гордостью и моей головной болью, ведь он всегда просит меня осмотреть его руки на предмет царапин. Вдохнув свежий воздух, пахнущий свежескошенной травой и жимолостью, я спустилась вниз.

— Доброе утро, па! — крикнула я, выходя на террасу. Папа, в своем неизменном клетчатом фартуке, обернулся и улыбнулся в ответ:

— Амели! Как спалось?

— Спала крепко, но долго не могла уснуть. Мама поздно вернулась? — Спросила я, присаживаясь за кухонный остров.

— Как всегда, — из папиных уст вырвался вздох сожаления. — Она работает, не жалея себя.

— Я ее не видела уже несколько дней, хотя мы живем в одном доме.

— Амели, — папа перегнулся ко мне с противоположной стороны острова и взял мои руки, — работа много значит для нее. Мы должны ее поддержать.

— Да, но было бы неплохо, если бы она хоть иногда заглядывала домой. Марта скучает по ней.

— Знаю, малышка. — Папа тоскливо улыбнулся в ответ.

Несколько лет назад мы были обычной семьей, где глава семьи заканчивал военную карьеру и уходил на заслуженный отдых, а маме удалось открыть риелторское агентство. Но мы с папой считаем, что ей повезло, она оказалась в нужное время в нужном месте, поэтому деньги полились рекой, и она вошла в азарт. Именно поэтому дома она стала появляться реже. Всю жизнь она жила за спиной мужчины, который обеспечивал всю семью, а теперь поняла, что может не хуже, а может и лучше. Я ее понимаю, и частично поддерживаю, немного лишь обидно за мою сестру Марту. Марта — особенная. Она не слышит и не говорит, но у нее есть свой мир, удивительно богатый и яркий. Мы общаемся с помощью языка жестов, и я всегда чувствую ее поддержку и понимание. И ей всего 15 лет. Это тот возраст, когда мама очень необходима. Я знаю.

Позавтракав тостами с клубничным джемом и чашкой крепкого чая, я вышла на улицу. Мой путь в больницу лежал через узкие улочки Мейплвуда, где каждый дом казался маленькой сказкой. Миссис Хендерсон, поливавшая петунии у своего крыльца, помахала мне рукой:

— Доброе утро, доктор Амели! Как ваши маленькие ангелочки? — Я улыбнулась.

— Все хорошо, миссис Хендерсон! Надеюсь, и у вас все в порядке.

Чуть дальше я встретила мистера Брауна, выгуливающего своего мопса Уинстона.

— Доброе утро, мистер Браун! Какой сегодня очаровательный Уинстон! — сказала я, погладив мопса по голове. Мистер Браун расплылся в улыбке.

— Доброе утро, Амели! Знаете, он сегодня особенно рад, чувствует вашу положительную энергию! Мелочи, но именно из них и состоит жизнь в Мейплвуде — в маленьких, теплых приветствиях и искренней заботе друг о друге.

До больницы оставалось совсем немного, когда я увидела, как дети играют в футбол на лужайке у церкви. Их смех разносился по всему городку, наполняя меня энергией и уверенностью в том, что сегодняшний день будет особенным. Я помахала им рукой, и они весело закричали в ответ:

— Доброе утро, доктор Амели!

Мое рабочее утро начиналось с шепота утренней тишины и мерного стука часов, отсчитывающих минуты до расцвета нового дня. Через некоторое время пустые коридоры с разрисованными стенами и высокими потолками наполнялись хором детских голосов. Маленькие пациенты, окруженные заботливыми мамами и папами, ждали своей очереди в кабинет. Кто-то плакал, кто-то играл, кто-то просто разглядывал яркие картинки на стенах. Я люблю эту атмосферу. Здесь царит жизнь, настоящая, искренняя.

Первым пациентом был маленький Лео, с хриплым кашлем и красным горлом. Осмотрев его, я выписала необходимые лекарства и дала маме подробные инструкции. Мама Лео, кажется, сразу успокоилась. Доверие — это то, что я ценю больше всего в своей работе.

Затем была маленькая София с аллергией на клубнику, неугомонный Александр с разбитой коленкой, и еще десяток деток с разными жалобами и проблемами. Каждый — особенный, каждый требует внимания и заботы.

Во время короткого перерыва на обед, мой телефон завибрировал. Сообщение от Селесты, моей лучшей подруги. Селеста — это полная моя противоположность. Творческая, импульсивная, непредсказуемая. Она увлекается всем на свете: фотографией, живописью, керамикой, танцами... и каждый раз пытается вовлечь меня во что-нибудь эдакое.

Селеста: (12:16) Амели, привет! Я буду участвовать в конкурсе фотопроектов, и мне нужна ты! Срочно!

Амели: (12:17) Селеста, привет! Что за фотопроект такой срочный?

Селеста: (12:18) Это шанс всей моей жизни! Фотоконкурс престижный, победитель получает грант на обучение в Нью-Йорке!

Амели: (12:19) Вау, серьезно! Поздравляю! И чем я могу помочь?

Селеста: (12:20) Мне нужна ты! Ты будешь моей музой! Помнишь, я говорила про проект «Внутренняя свобода»?

Амели: (9:21) Кажется, что-то такое было... И что там делать? Надеюсь, не наряжать младенцев в миниатюрные парики?

Селеста: (12:22) Нет! Гораздо интереснее! Нужно показать внутреннюю свободу через тело.

Амели: (12:23) Селеста, что ты имеешь в виду? Уточняй, я сейчас собираюсь на вызовы.

Селеста: (12:24) Ничего пошлого! Просто фото в нижнем белье. Красивые, чувственные, артистичные. Ты будешь выглядеть как богиня!

Амели: (12:25) Селеста, ты меня знаешь! Я — педиатр! Нижнее белье и «богиня» — это не про меня. Да и времени у меня нет совершенно.

Селеста: (12:26) Я умоляю! Это всего один день! И это ТЫ! Ты такая красивая, естественная! Твоя внутренняя сила, она просто обязана быть запечатлена

Амели: (12:27) Я понимаю, что тебе это важно... Но мне как-то некомфортно даже от мысли об этом. Тем более, в нижнем белье.

Селеста: (12:28) Амели, ну пожалуйста! Просто подумай об этом! Это ведь не просто фото, это искусство! Мы покажем красоту женского тела, его силу и хрупкость!

Амели: (12:29) Дай мне время подумать. Сейчас я правда не могу.

Селеста: (12:30) Хорошо, подумай. Но прошу, не отказывайся сразу! Это действительно важно для меня. Я верю, что с тобой у нас получится шедевр!

Рабочий день тянулся бесконечно долго. Я рассеянно слушала жалобы пациентов, автоматически выписывала рецепты и постоянно возвращалась мыслями к предложению Селесты. (Через несколько часов)

Аmeli: (15:35) Селеста, я все еще не уверена. Мне кажется, это как-то неловко.

Селеста: (15:36) Амели, дорогая, давай так: я пришлю тебе примеры фотографий, чтобы ты поняла, о чем речь. И ты просто посмотришь. Никаких обязательств!

Аmeli: (15:37) Ладно, присылай. Но я ничего не обещаю!

Селеста: (15:38) Отлично! Сейчас все скину. Ты увидишь, это совсем не то, что ты себе представляешь! Это искусство!

Сигнал о новом письме в почте зазвенел в ту же секунду, как Селеста повесила трубку. Словно ждала момента и уже все приготовила. Но такие вещи в ней меня уже не удивляют. Я посмотрела на часы, у меня было несколько минут кофе-брейка перед заполнением документов после рабочего дня, и я вернулась к телефону. Открыла первое фото в письме, и не заметила, как с губ сорвалось невинное: ой.

(Еще через полчаса)

Аmeli: (16:05) Селеста, фотографии красивые, конечно. Но все равно... Я не вижу себя в этом.

Селеста: (16:06) Почему? Что тебя смущает? Ты боишься, что тебя осудят? Кто? Эти толстячки из Мейплвуда?

Аmeli: (16:07) Не только. Я не хочу, чтобы меня воспринимали просто как красивую картинку. Я врач, а не модель.

Селеста: (16:08) А кто сказал, что одно исключает другое? Ты можешь быть и врачом, и красивой женщиной, и музой! Разве это не прекрасно?

Аmeli: (16:09) Аргумент. Просто я никогда не думала о себе в таком ключе.

Селеста: (16:10) Именно поэтому я тебя и прошу! Ты особенная! Твоя скромность тебя красит, но иногда нужно позволить себе раскрыться!

Аmeli: (16:11) Мне нужно посоветоваться...

Селеста: (16:12) Она точно тебя поддержит.

Аmeli: (16:13) Не жди, что я соглашусь сразу.

Селеста: (16:14) Я подожду столько, сколько нужно!

Я отложила телефон. Кофе остыл. Мысли крутились в голове, как карусель. С одной стороны — здравый смысл и привычная стабильность, с другой — мечта Селесты и ее вечная вера в меня.

Когда я вернулась домой, Марта сидела за столом и читала. Увидев меня, она улыбнулась и знаком спросила, как прошел день. Я рассказала ей о работе, о пациентах, а потом и о предложении Селесты.

Мои жесты были неуверенными, я чувствовала, как краснею. Марта внимательно слушала, не перебивая.

Аmeli: (Жест: фото, я, Селеста, проект, конкурс, помощь, нижнее белье, не уверена)

Марта внимательно смотрит, кивает, понимая.

Марта: (Жест: Селеста — талант, ты — красива, идея — свобода, искусство)

Аmeli: (Жест: я — врач, работа, пациенты, как это сочетается?)

Марта: (Жест: тело — часть человека, красота — дар, не скрывай, покажи миру. Жизнь — искусство, живи полно!)

Аmeli: (Жест: страх, критика, что подумают люди?)

Марта: (Жест: игнорируй, важно твое чувство, делай то, что чувствуешь правильно, это твой выбор)

Амели: (Жест: ты права... но я все еще думаю.)

Марта: (Жест: хорошо, я верю в тебя, сделай правильный выбор для себя, я всегда рядом)

Когда она закончила, взяла мою руку и посмотрела мне прямо в глаза. Я поняла ее.

Ночь выдалась бессонной. Я ворочалась в постели, пытаюсь принять решение. С одной стороны — страх и неуверенность, с другой — желание помочь Селесте и, возможно, открыть для себя что-то новое.

Звонок будильника, как всегда, в 6:30. Это моя святая стабильность, якорь, за который я цепляюсь в этом хаотичном мире. Как и всегда поднимаюсь, делаю зарядку, быстро одеваюсь и иду вниз на кухню. Там уже повсюду хозяйничает мама, жарит блинчики с клубникой. Марта сидит за столом и что-то увлеченно рисует в своем скетчбуке.

— Доброе утро, — мама ставит передо мной тарелку с ароматными блинчиками. Она всегда говорит это с какой-то укоризной, ей кажется, что мне надо больше отдыхать, меньше работать. Но она не понимает, что работа — это тоже часть моей стабильности, мое убежище.

— Доброе, рада, что застала тебя дома, — улыбнулась я ей. Марта подняла на меня взгляд, поздоровалась жестом — раскрытая ладонь коснулась лба и отвелась вперед. Я ответила ей тем же. (Привет — жест)

— Ты какая-то задумчивая сегодня, — заметила мама, не отрываясь от плиты. — Что-то случилось?

Я постаралась убедительно пожать плечами, словно и не было этих двух часов бессонницы в раздумиях.

— Все в порядке, мам. Просто немного устала. — Она кивнула, но я вижу, что ей не слишком интересно. У нее всегда много своих забот.

Пока я завтракала, Марта показала мне свой рисунок — лес, полный сказочных существ. Она очень талантливая, я всегда ей говорю об этом. Марта улыбается и показывает на чашку. Мама ставит чайник. Наши редкие утренние ритуалы бесценны для меня.

Дорога до больницы по ощущениям не заняла у меня много времени. Оказывается, если уйти глубоко в мысли, то время летит незаметно быстро.

На работе глядя на свое отражение в зеркале, я увидела другого человека. Взгляд стал более решительным, плечи расправлены. Решение по поводу предложения Селесты я приняла еще ночью, но даже чтобы принять его не потребовалось еще какое-то время. И теперь я готова.

Я взяла телефон и набрала номер Селесты.

— Я согласна, — твердо сказала я.

В трубке раздался визг восторга.

— Амели! Ты — лучшая! Я тебя обожаю! Это будет просто бомба! Я позвоню тебе позже и расскажу все детали!

Я повесила трубку. Внутри меня царил странная смесь волнения и предвкушения. Это безумие, подумала я. Но я это сделаю. Ради подруги. И, возможно, ради себя.

В груди поселилось странное, но приятное чувство уверенности. Не знаю, что из этого получится, но я готова попробовать. Я красивая, я сильная, и я могу все.

Надеюсь.

Вечером пришло еще одно сообщение от Селесты.

«Итак! В выходные начинаем подготовку! Сделаем тебе потрясающий макияж, выберем самое красивое белье! Ты будешь звездой! P.S. Не забудь выспаться! Тебе нужно выглядеть сногшибательно!»

Я улыбнулась и отложила телефон. Похоже, приключения начинаются.

На следующий день я с трудом узнала себя в зеркале. Макияж, сделанный профессиональным визажистом, подчеркнул мои глаза и скулы, скрыл следы усталости. Селеста перебрала гору красивого нижнего белья, выбирая то, что лучше всего подойдет к моему типу

фигуры и цвету кожи. В итоге остановились на комплекте из нежного кружева цвета слоновой кости.

Съемка проходила в небольшой фотостудии, залитой мягким естественным светом. Селеста, вооружившись камерой, порхала вокруг меня, давая указания, подбадривая, заставляя смеяться. Сначала я чувствовала себя скованно и неловко, но постепенно, под ее чутким руководством, я начала расслабляться. Она видела во мне то, чего я сама не замечала — красоту, женственность, силу.

В процессе работы я начала получать удовольствие. Перестала стесняться своего тела, своих мимических морщинок, своих, как мне казалось, недостатков. Я просто была собой, настоящей, искренней. И Селеста это запечатлела.

Когда съемка закончилась, я посмотрела на фотографии на экране компьютера и не поверила своим глазам. Это была я, но другая. Более уверенная, более открытая, более счастливая. Селесте удалось уловить мою суть, мою внутреннюю красоту. И я была ей за это безумно благодарна. Но самое главное, я научилась видеть эту красоту в себе.

— Ну что, Амели, как тебе результат? Видишь, я же говорила, ты прекрасна! — Селеста обняла меня, не скрывая восторга.

— Селеста, я... Я даже не знаю, что сказать. Я никогда себя такой не видела, — прошептала я, все еще рассматривая фотографии на экране.

— Потому что ты всегда пряталась за маской, Амели. Но сегодня ты ее сняла. И знаешь, что я скажу? Тебе так идет быть собой.

— И что теперь? Что будет дальше? — спросила я, чувствуя, как внутри зарождается какое-то новое, незнакомое чувство.

— Дальше? Дальше все только начинается! — Селеста подмигнула. — Сегодня же я сформирую заявку, приложу фото и отправлю организаторам грантового конкурса.

После съемки я почувствовала себя легкой и свободной, словно сняла с себя груз сомнений и страхов. Селеста, сияя от счастья, показывала мне лучшие кадры, и я вдруг поняла, что это не просто фотосессия, а начало нового этапа в моей жизни. Я стала смотреть на себя иначе — с теплом и принятием.

Позже, сидя в уютном кафе за чашкой кофе, мы еще раз обсудили фотографии. Я все еще не могла поверить, что на них я.

— Селеста, как ты это делаешь? Как тебе удастся видеть в людях то, чего они сами в себе не замечают? — спросила я.

— Секрет прост, Амели. Я просто смотрю на людей с любовью. И стараюсь показать им, что они прекрасны такие, какие они есть. А еще, я верю в их потенциал. И знаю, что каждый человек способен на большее, чем он думает.

— И ты веришь в меня? — робко спросила я.

— Конечно, Амели! Я всегда в тебя верила. Просто тебе нужно было немного подтолкнуть, немного помочь увидеть себя настоящую.

По выключенным торшерам в гостиной я поняла, что ни мамы, ни папы дома нет. Возможно, родители решили отдохнуть от домашних дел и отправились на прогулку, как они часто это делают, когда кто-то из них перегружается на работе.

Я решила воспользоваться ситуацией, и, включив несколько торшеров в классическом стиле, стоящих возле столика, разложила на нем получившиеся снимки. Зачем? Да сама не знаю. Мне нравилось смотреть на себя. Мне нравилось, что я нахожу себя красивой.

Мама никогда не акцентировала внимание на моей красоте, вероятно, на то были свои причины. Хотя, для своих 25 я сложена хорошо, достаточно стройная, округлые бедра, второй размер груди, темные волосы чуть ниже плеч. Правда, они редко распущены, на работе я привыкла заделывать их заколкой, которая досталась мне от бабушки. Раньше такие штучки

называли французской заколкой. Очень изящная. И особенно ценно, что она напоминает мне о бабушке по папиной линии.

Марта ее не застала, к сожалению. Очень теплый и любящий человек. Несмотря на то, что мама не работала и сидела дома, воспитывала меня именно бабушка Зои. С ее воспитанием я поняла, что хочу помогать людям. Маленьким таким с еще наивным и чистым взглядом. Именно благодаря ей я выбрала свой путь в педиатрии, о чем не жалею.

Я долго рассматривала фотографии. Каждая из них напоминала мне о том, что красота — это не идеальные формы или безупречный макияж, а искренность, уверенность и любовь к себе. В этот момент я поняла, что сделала правильный выбор, согласившись на этот проект.

Ко мне спустилась Марта и села рядом, её глаза загорелись любопытством, когда она увидела получившиеся снимки. Я взяла в руки первую фотографию, где я была в кружевном белье цвета слоновой кости, одна рука закинута за голову, взгляд чуть надменный, губы полуоткрыты. Марта широко улыбнулась и показала двумя руками жест «красиво», потом добавила «очень». Я смущенно пожала плечами, руками изобразили вопрос: «Правда?». Марта кивнула, показывая пальцем на фотографию и жестом «ты».

На следующей фотографии я сидела на высоком стуле, спина была прямая, ноги изящно скрещены. На мне был черный шелковый пеньюар, слегка спадающий с плеч. Марта сложила пальцы в щепотку у губ, изображая «поцелуй», потом обвела руками в воздухе, показывая плавность линий и изящество. Я хихикнула, и сложила пальцы в жест «глупости». Мне было немного некомфортно обсуждать с сестрой такие снимки, для меня она все еще маленькая девочка, поэтому и сложно верилось ее комплиментам.

Затем я достала снимок, который мне особенно нравился, где я стояла, оперевшись рукой о стену, в белом боди с глубоким вырезом. Мои волосы рассыпались по плечам, а взгляд был направлен прямо в камеру. Марта захлопала в ладоши, её руки изобразили «огонь», потом она указала на сердце — «берёт за душу». Я даже прикрыла лицо руками, а мои плечи задрожали от смеха и смущения.

После этого Марта взяла мою руку и сжала её, показывая жест «горжусь». Я ответила ей тем же жестом. Несмотря на то, что мы общались без слов, каждая из нас понимала чувства другой. Марта всегда умела увидеть красоту, даже там, где я сама её не замечала.

Я почувствовала, как внутри загорается огонек новой уверенности. Вечером я решила написать Селесте благодарственное сообщение, ведь именно она помогла мне открыть в себе что-то важное.

На следующий день я проснулась с ощущением, что готова к новым вызовам. Я знала, что впереди меня ждут перемены.

По привычке рука потянулась к телефону, чтобы посмотреть новости, как я делаю это обычно в воскресенье, но мое внимание привлекло большое количество сообщений от Селесты.

Уже от первого смс, меня словно накрыла ледяная волна с головы до ног. С каждым следующим прочитанным сообщением в висках стучало сильнее, как молотки по металлу, громко и неумолимо, заставляя сердце биться быстрее, словно в панике. В ушах раздался глухой стук, как будто внутри меня что-то разбивается или бьется о стенки. Я почувствовала, как кровь приливает к лицу, а кожа словно натягивается. В голове роятся мысли, как бешенные пчелы, а дыхание становится прерывистым и тяжелым. Кажется, я потеряла контроль над собой, будто весь мир вокруг рушится, а внутри только шум и тревога.

В этот момент я почувствовала себя абсолютно незащищенной, словно стою на краю пропасти, и каждое новое сообщение — это удар, который ранил до глубины души.

Селеста: Амели, прости меня, пожалуйста... Я даже представить себе не могла, что такое случится.

Селеста: Извини, Амели, правда, я думала, что ничего не случится страшного.

Селеста: Я так впечатлилась твоими фотками, что решила выложить их в свой аккаунт в соцсети. Сначала все было хорошо, а потом как посыпалось...

Амели: О чём ты вообще говоришь? Что именно произошло? — дрожащими руками набрала я, путаясь в жалких попытках соединить утренние мысли после ночи.

Селеста: Но не переживай, как только они начали писать отвратительные слова в твой адрес, я сразу все удалила. Думаю, что из наших никто не увидел.

Амели: В смысле? Ты выложила мои откровенные снимки в сеть? Зачем!? Ты же знала, как я не хотела этого! Что мне теперь делать? Что скажут люди, пациенты, родители? Меня же уволят за такое! Я ЖЕ ТАМ ПОЧТИ ГОЛАЯ!

Селеста: Не переживай. Я говорю, что удалила.

Амели: Много там было комментариев?

Селеста: Не очень. Но в основном писали ночью, когда я спала, поэтому только недавно увидела их реакцию. Вообще удивительно, почему люди не спят по ночам...

Амели: Ты нормальная?! Не спят по ночам? Селеста, ты в этот раз перешла все рамки! Я пошла на это ради тебя! А ты так поступила со мной! Ты все разрушила!

Селеста: Я же извинилась.

Амели: Можешь засунуть свои извинения куда подальше.

Меня всегда вдохновляли истории, когда люди после неких событий просыпаются знаменитыми. Но даже в самых удаленных своих мечтах я не была готова столкнуться с этим нос к носу.

Виски стучат. Руки дрожат. Шок от поступка Селесты. Увидел ли это кто-нибудь из знакомых, коллег или родителей моих пациентов? Может, это именно они писали те комментарии. О чем, интересно были те ужасные слова? Фигура? Лицо? Или профессия? Мне оставалось только убивать себя этими мыслями ближайшие 24 часа.

Завтра начнется рабочая неделя. Надеюсь, что все они спокойно спали. В любом случае, кроме как надеяться на это мне ничего не остается.

Ожидание

Весь вчерашний день я провела в состоянии ожидания и смирения с тем, будто все уже обо всем знают, и просто ждала, когда эта ситуация на меня упадет. После того как я перестала отвечать на сообщения Селесты, а это произошло очень скоро, открыла ее аккаунт и проверила — все ли она удалила, как говорила.

Пролистав ее фото и посты вдоль и поперек, я успокоилась, хотя бы здесь она меня не обманула. Вне зависимости от желания в голову все равно лезли мысли о том, сколько человек, а может даже десятков человек могли это увидеть. А может это были даже сотни.

Голова идет кругом. Чувствую, что она меня специально подставила. Она ведь могла найти ту, кого данная ситуация нисколько не смутит. Но зачем же тогда она так долго уговаривала меня на съемку, если понимала, что я не буду рада подобной огласке? Это немного лишено смысла. Не понимаю, зачем она так. Хотя, возможно, она действительно сделала это из лучших побуждений. А может, она сделала это из лучших побуждений для своей победы.

Я пролежала в постели все утро, до самого обеда. Солнечный свет был уже не таким приятным и не дарил радость, когда играл на стенах моей комнаты. Я перевела взгляд на фотографии, которые висели на стене. На них позируем мы с Мартой и родителями. Интересно, успел ли кто-нибудь из них сегодня ночью увидеть, на что подписалась их примерная дочь и сестра? Перед глазами сразу появились осуждающие лица родителей. А через секунду мне вспомнилась послание Марты, когда она говорила мне, что я красивая, что все смогу.

Я закрыла глаза, пытаясь отогнать навязчивые образы. В голове, словно заевшая пластинка, крутились обрывки вчерашних разговоров, кадры злополучной фотосессии, сообщения Селесты. Сердце колотилось так сильно, что казалось, будто оно вот-вот выскочит из груди. Я боялась. Боялась не последствий, не реакции окружающих, а самой себя. Боялась того, что эта ситуация заставит меня иначе взглянуть на мир, на людей, на саму себя.

Мне хотелось зарыться под одеяло и проспять целую вечность, чтобы проснуться в мире, где ничего этого не было.

На стене висели часы. Каждая секунда отсчитывала не только время, но и приближала меня к неминуемой встрече с реальностью. Рано или поздно мне придется встать с кровати, выйти из комнаты, встретиться с людьми. И что тогда? Смогу ли я смотреть им в глаза? Смогу ли я улыбаться и делать вид, что ничего не произошло?

С каждым новым вздохом страх становился все сильнее. Он проникал глубоко внутрь меня, отравляя мысли и чувства. Я боялась не того, что есть, а того, что могло бы быть. Боялась осуждения, непонимания, отчуждения. Боялась, что люди увидят не меня, а лишь ту картинку, которую создала Селеста. Боялась, что они перестанут видеть во мне ту, кем я была до этого.

Сидя на кровати, я почувствовала, как зарождается внутри меня маленькая искорка надежды. Надежды на то, что я смогу справиться. Что я смогу пережить это.

Я встала с кровати и подошла к окну. На улице уже вовсю начинался новый день, и вместе с ним начиналась новая глава моей жизни. Из сумки достала бабушкину заколку, расчесала волосы, тщательно зачесывая каждый волос в пучок. Так я всегда делаю перед рабочим днем. Думала, что этот ритуал поможет мне сосредоточиться и взять эмоции в руки.

Собравшись с духом, я решила спуститься вниз. В доме должно быть пусто — родители на работе, Марта в университете. На цыпочках я прошла по коридору, стараясь не скрипеть половицами. Каждый звук отдавался эхом в голове, заставляя вздрагивать.

На кухне я первым делом заглянула в холодильник. Желудок предательски заурчал, напоминая о том, что я почти ничего не ела со вчерашнего вечера. Взяла яблоко и откусила большой кусок. Сок брызнул на руку, и я машинально вытерла его о джинсы.

И тут я услышала шаги. Тяжелые, размеренные. Сердце ухнуло куда-то вниз.

В дверях появился папа. Он удивленно вскинул брови, увидев меня.

— Привет, — тихо сказала я, пытаюсь скрыть нервозность в голосе.

Папа посмотрел на меня с легким удивлением, на лице появилось смутное выражение. Он, кажется, хотел что-то сказать, но остановился, словно сомневаясь.

Я заметила, как он взглянул на мое лицо, на мои руки, на то, как я держусь. В его глазах мелькнула тень сомнения, и вдруг мне показалось, что он что-то подозревает.

— Ты поздно встала, — заметил он, и в его голосе прозвучала лёгкая нотка неуверенности. — Всё в порядке?

Я почувствовала, как сердце забилося чаще. Почему он так спрашивает? Почему его голос звучит чуть тише обычного, чуть более напряженно? Я начала улавливать в его словах и взгляде что-то скрытое, намеки, которых раньше не замечала.

— Да, всё хорошо, — быстро ответила я, стараясь сохранить спокойствие. — Просто проголодалась. Да и неделя была тяжелой. Решила взять небольшую паузу.

Он кивнул, посмотрел на меня, словно пытаюсь что-то понять. В этот момент я заметила, как его взгляд задержался на том снимке на стене — фотографии нашей семейной прогулки. Казалось, он что-то заметил. Или, может, мне только показалось.

— Ну, я пойду, — тихо произнесла я, стараясь не показывать свою тревогу.

Папа кивнул, и уходя я прямо чувствовала, что он всё еще смотрел мне вслед. В его выражении было что-то — смесь удивления и легкого сомнения.

Я уходила, чувствуя, как внутри все сжато от этой невысказанной игры. В голове крутились мысли — кто знает, что он видел или что подозревает. И как дальше поступить, чтобы сохранить всё в тайне...

Залетев в свою комнату, я быстро заперла дверь. Я не могу больше сдерживать свои эмоции. Я никогда никого не обманывала, не врала, ничего не скрывала. Особенно от папы. Мне тяжело смотреть ему в глаза и не знать, как себя с ним вести. Впервые за 25 лет я не знаю, чего ожидать.

Внезапно раздался звонок, выведя меня из панических мыслей. Судорожно взяла телефон и посмотрела на экран — номер был незнакомым. Сначала я решила не отвечать, но любопытство пересилило.

— Алло, это Амели? — спросил голос на другом конце. Он звучал энергично, но с нотками настойчивости. — Меня зовут Даниель, я журналист из местного издания. Мне нужно с вами поговорить.

Я почувствовала, как сердце забилося быстрее.

— О чем? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно.

— Я хочу взять у вас интервью, — продолжал он, не дожидаясь моего ответа. — Ваша история интересует многих. Я знаю, что ваши фотографии уже обсуждаются в родительских чатах. Хотел бы узнать о мотивах.

— Я не знаю, — пробормотала я, не веря, что это происходит. — Я не хочу никаких интервью. Как вы вообще узнали мой номер?

— Как только один из участников чата прислал скрины в родительский чат, я сразу вас узнал. Вы педиатр моего сына, и у вас на визитке указан номер. Я понимаю, но подумайте, — его голос стал более настойчивым. — Если вы откажетесь, то информация будет искажена. Люди уже начали делать свои выводы. И я уверен, информация о вас гуляет не только в нашем чате. Я уверяю вас, ваше слово может изменить ситуацию.

Я молчала, не зная, что сказать. Мысль о том, что скрины могли оказаться у родителей моих пациентов, заставляла меня дрожать. Я чувствовала себя загнанной в угол. Мысли о том, как все это может повлиять на мою карьеру, на мою репутацию, на людей, которым я помогала, терзали меня.

— Я могу приехать к вам, — продолжал он, словно прочитав мои мысли. — Мы можем встретиться в кафе на окраине города. Это будет удобно и безопасно.

С каждым его словом я понимала, что не могу больше прятаться. Я провела весь день взаперти, терзаемая страхом и неуверенностью. Но в какой-то момент меня осенило: может быть, этот разговор с журналистом — единственный способ вернуть себе контроль над ситуацией.

Я согласилась на встречу.

Вечером я выбрала простое черное платье и попыталась привести себя в порядок. Я сделала легкий макияж, чтобы скрыть следы бессонной ночи, и собрала волосы в аккуратный пучок. Сердце колотилось, когда я вошла в кафе. Это был колоритный трактир с деревянными перекрытиями, где каждая деталь говорила о времени и истории. Запах свежеспеченного хлеба смешивался с ароматом пряных специй и немного затхлым воздухом, который, казалось, хранил в себе множество разговоров и секретов посетителей.

Внутреннее оформление было выполнено в традиционном стиле: массивные деревянные столы и стулья, грубо обработанные балки на потолке и старинные фотографии, висящие на стенах. Лампочки в металлических абажурах мягко освещали пространство, создавая интимную атмосферу. В углах стояли высокие растения, придавая помещению некоторую зелень, но всё равно оставалось ощущение, что время здесь остановилось.

Когда я вошла мне показалось, что взгляды немногочисленных посетителей обращены на меня. Да, Даниель был прав, говоря, что это место немногочисленно. Первый из них — мужчина с густой бородой, одетый в тельняшку. Его широкие плечи и подкачанная фигура выдавали в нем морского вокзальщика. На его запястье сверкали старинные часы с цепочкой, а на бороде играли блики света, отражая лампы. Он с удовольствием потягивал хмурое светлое пиво из массивной кружки, не спеша перебирая ломтики нарезанного сыра, которые были расставлены на столе.

Напротив него сидела девушка, полураздетая, в легкой летней блузке, которая едва прикрывала ее плечи и оставляла открытыми руки, обвитыми многочисленными браслетами. Ее волосы были забраны в небрежный хвост, а на лице играла легкая улыбка, смешанная с игривостью.

Даниель уже ждал меня за столиком в противоположном углу трактира. Он был молодым, с пронизательным ясным взглядом и уверенной осанкой, что сразу привлекло мое внимание. Его темно-русые волосы слегка растрепались, а на лице играла легкая улыбка, словно он знал что-то, что мне еще предстояло узнать. Я села напротив него, и он сразу же включил диктофон, готовясь к разговору.

— Спасибо, что пришли, Амели, — начал он, его голос был спокойным, но я чувствовала, как он спешит. — Давайте поговорим о том, что произошло.

Я неохотно начала отвечать на его вопросы, но с каждой минутой, проведенной с ним, я понимала, что это может быть моим шансом. Я рассказала о том, как подруга уговорила меня участвовать в проекте на грант, о том, как она выставила снимки, не предупредив меня.

— Я никогда не думала, что это может произойти, — вздохнула я, чувствуя, как слезы подступают к глазам. — Это просто ужасно.

— Ужасно, конечно, — отозвался Даниель с ироничной ноткой. — Но вы ведь знали, во что ввязываетесь? Неужели ваша подруга так искусно манипулировала вами, чтобы вы не заметили красных флагов?

Я замялась, пытаюсь подобрать слова.

— Я доверяла ей, — наконец произнесла я. — Мы давно дружим.

— Доверие — это хорошо, но, возможно, вам стоило быть немного менее наивной. Это не первая подруга, которая предает, вы же понимаете это? — его пронизательный взгляд не отрывался от меня.

Я почувствовала, как злость поднимается внутри.

— Вы думаете, что я виновата в том, что случилось? — выговорила я с жаром. — Я не могла предположить, что она так поступит!

Даниель поднял бровь, будто не веря своим ушам:

— Интересно, но разве это не вопрос ваших собственных границ, которые вы позволили пересечь? Как вы могли не задуматься о том, что доверие — это просто слово? Что если честность и поддержка подруги — это лишь фасад? Это ваша жизнь, Амели. Зачем давать другим возможность управлять ей?

Я постаралась успокоиться.

— Я не уверена, что это было так преднамеренно, — сказала я, хоть и чувствовала внутреннюю борьбу.

— О, конечно, предположения о намерениях — это удобно, — произнес он, безжалостно привлекая мое внимание к правде. — Но действительно ли вы думаете, что дружба — это то, что можно подменить оправданиями? Она не просто допустила нарушение ваших границ, она фактически разорвала ваше доверие.

Я взглянула на него, растерянная.

— Зачем вы так жестко? — спросила я. — Я ведь просто хотела помочь!

— Вы не думали, что эта помощь может обернуться против вас? Многие жертвы колеблются между доверием и самосохранением. Почему вы решили, что ваша подруга не станет вашей врагом в этой игре?

Мои губы немного дрогнули.

— Потому что этим проектом я хотела сделать что-то важное... — начала я, но он перебил:

— И вы отдали свою жизнь в руки человека, которого едва ли глубже знали, чем по верхнему слою? Ваша подруга понимала, на что шла, но, а что вы? Вы готовы принимать все последствия за свои действия, даже если это означает обнародование ваших слабостей?

— Я делала это не только ради себя, — ответила я. — Я думала, что смогу помочь другим!

— Помочь, скажите? Согласны ли вы, что иногда лучший способ помочь — держаться подальше от токсичных людей? Или вам просто нужно было одобрение? Возможно, публикация стала для вас некой формой саморекламы?

Я почувствовала, как злость вновь подступает.

— Это не так! — воскликнула я. — Я просто хотела помочь подруге!

— Сложно понять, что вы на самом деле хотите из этого всего, — продолжал он, как будто копался в моих мыслях. — Но чем дольше вы будете оставаться в этой ситуации, тем глубже застрянете в ней. Уверены ли вы, что сможете противостоять общественному мнению?

Его слова резали, но у меня появилась возможность увидеть правду в их жестком свете.

— Я не хочу, чтобы это разрушило мою жизнь, — сказала я наконец. — Я хочу донести свою правду.

Даниель, кажется, понял это как знак.

— Ваша история может вдохновить, но кто знает, как другие отреагируют? Некоторые даже могут считать вас участницей этой драмы вместо жертвы. Вы готовы к этому?

На мгновение воцарилась тишина. Я задала себе вопрос: действительно ли я готова к этому? Возможно, Даниель прав, и люди могут не понять.

Время пролетело незаметно, и вскоре разговор подошел к концу. Даниель выключил диктофон и посмотрел на меня с искренней поддержкой:

— Вы сделали правильный шаг, Амели.

Я кивнула в ответ, но в душе я не переставала сомневаться в этом.

Уже дома я почувствовала невероятное облегчение, словно непосильный груз свалился с плеч. Все закончилось. Оставалось только ждать. Интервью... Я лелеяла надежду, что оно поможет мне донести правду до людей, перевернуть ситуацию.

Приняв душ, я увидела, как вспыхнул экран телефона. Рефлекторно потянулась к нему, но, заметив на дисплее имя Селесты, тут же отдернула руку. Нет, я не готова. Возможно, никогда не буду готова с ней говорить. Разве что, если интервью действительно окажется настолько убедительным и повлияет на общественное мнение, я, может быть, и найду в себе силы возобновить наше общение. Но пока — нет.

Внизу, в гостиной, папа и Марта смотрели какой-то фильм. Я слышала громкий смех отца. В обычное воскресенье я бы обязательно была с ними, свернувшись калачиком на нашем мягком бежевом диване и потягивая ароматный кофе. Папа сидел бы посередине и обнимал нас обеих. Меня пронзила острая тоска. Я не могла просто спуститься к ним. Не могла смотреть в их глаза, боясь, что ложь, пусть даже во спасение, будет прочитана. Я прислонилась к двери, прижалась ухом и слушала папин смех. Его теплое сердце, его безграничная готовность поддержать, были нужны мне сейчас как никогда. Может быть, рассказать ему?

...Нет, не сейчас. Пусть сначала прочтет интервью. В моей голове сейчас такой хаос, что я не смогу связать и двух слов. Даниэль обещал, что оно выйдет завтра в первой половине дня.

В голове всплывали его придирчивые вопросы. Была ли я достаточно убедительна в ответах? Смогла ли защитить себя? Не слишком ли резко я отзывалась о Селесте? Как она отреагирует на это интервью?

Я заслонила лицо ладонями, пытаюсь укрыться от нахлынувшей волны отчаяния. Хватит! Больше не могу себя так терзать, пожирать изнутри ядовитыми сомнениями. Это превратилось в настоящее самоистязание, в жестокую пытку, которую я сама себе уготовила.

В памяти всплыли слова Селесты. Она как-то обронила, что все происходящие с нами ситуации даются нам как уроки. Горькие, болезненные, но необходимые для роста и становления личности. Значит, этот кошмар, этот клубок лжи и недопонимания, тоже должен меня чему-то научить? Интересно, чему? Как извлечь хоть какую-то пользу из этого хаоса? Может быть, научиться ценить настоящую дружбу, отличать искренность от притворства? Или стать сильнее, устойчивее к ударам судьбы, научиться отстаивать свою правду, несмотря ни на что?

Но самое главное, наверное, — научиться прощать. Прощать Селесту, прощать себя за свою наивность и доверчивость. Прощать мир за его жестокость и несправедливость. Потому что только прощение способно освободить от бремени обид и разочарований, открыть путь к новой жизни, наполненной светом и надеждой. Но как это сделать, когда сердце разрывается от боли, а разум полон мрачных мыслей? Где найти силы для прощения, когда кажется, что весь мир обернулся против тебя?

Наверное, ответ на этот вопрос и есть тот самый урок, который мне предстоит усвоить. И, возможно, именно этот урок станет самым важным в моей жизни.

Следующим утром я проснулась задолго до рассвета. Стараясь ступать бесшумно, как кошка, выскользнула из дома, пока родители еще спали, не желая даже случайно столкнуться с ними в коридоре. Улица встретила меня прохладой и свежестью летнего утра.

Я торопливо шла на работу, сердце тревожно билось в груди, отстукивая какой-то нервный ритм.

Приветливо улыбаясь, поздоровалась с мистером Брауном, выгуливающим своего обожаемого пса, и с миссис Хендерсон, сосредоточенно поливающей хризантемы на крыльце. Обычно такие добродушные и общительные, сегодня они одарили меня какими-то странными, изучающими взглядами, от которых по спине пробежал холодок.

— Доброе утро, Амели, — пробормотал мистер Браун, будто сомневаясь.

— Здравствуй, дорогая, — произнесла миссис Хендерсон, и в её голосе прозвучали какие-то натянутые нотки.

Неужели мне не показалось? Они действительно вели себя подозрительно... — промелькнула мысль. Неужели и они видели ту злополучную фотосессию? До этого момента я, кажется, недооценивала масштаб развернувшегося скандала. Возможно, круг тех, кто в курсе, был гораздо шире, чем я предполагала.

Больница встретила меня тишиной и полумраком утренней пустоты. В холле едва горели несколько дежурных ламп, а приёмный покой казался совершенно безлюдным. Было ещё слишком рано, большинство персонала появится позже. В этот утренний час больница напоминала спящий корабль, готовящийся к новому дню.

В моём кабинете царил привычный уютный беспорядок, создаваемый горами медицинских карт, детскими рисунками и мягкими игрушками, ожидающими своих маленьких пациентов. Я быстро принялась готовиться к приёму. Тщательно заправила выбившиеся пряди волос, закрепив их старенькой бабушкиной заколкой. Этот жест успокаивал почему-то. Поправила белый халат, стараясь не думать о том, что обо мне, возможно, сейчас говорят.

Мой кабинет — моя крепость. На стенах развешаны яркие рисунки с забавными зверюшками, сделанные руками моих маленьких пациентов. Книжная полка ломится от детских сказок и медицинских справочников. На кушетке всегда лежат мягкие игрушки, готовые утешить заплакавшего малыша. Я всячески пыталась создать в этом месте атмосферу тепла и безопасности, чтобы дети не боялись врачей.

Вскоре появилась моя медсестра, Джулия. Молоденькая девушка с ярким пирсингом в носу и слегка вызывающим макияжем. Обычно мы болтали обо всем на свете, но сегодня ее взгляд был каким-то настороженным.

— Доброе утро, Амели, — сказала она как-то сдержанно.

— И тебе. Как спалось?

— Да нормально... — она отвела взгляд. — Слушай, сегодня много записей.

— Да, я уже видела. Что-то случилось? Ты какая-то странная сегодня.

— Да нет, всё в порядке. Просто... устала немного.

Я почувствовала, как внутри нарастает тревога. Ее поведение было неестественным, словно она что-то скрывала. Неужели она тоже видела эти проклятые фотографии?

Рабочий день тянулся мучительно долго, словно резиновый жгут, растягивая мои и без того расшатанные нервы до предела. Каждый взгляд, даже самый мимолетный, казался подозрительным, словно просвечивал мою душу насквозь, видя все мои тайные страхи и унижения. Каждое слово, даже самое невинное, отдавало двусмысленностью, заставляя меня вздрагивать и мысленно оправдываться.

Приводили маленьких пациентов с красными щечками и капризными гримасками. Я машинально осматривала их, прислушивалась к хрипам в лёгких, выписывала рецепты, но никак не могла отделаться от жгучего ощущения, что за моей спиной перешёптываются, переглядываются, хихикают. В воздухе висела густая атмосфера неловкости и осуждения, которую можно было потрогать руками.

Сегодня почему-то особенно много отцов привели детей на приём. Обычно этим занимались мамы — они более внимательны к мелочам, лучше знают истории болезней, да и в целом охотнее посещают врачей с малышами. Но сегодня в коридоре царило какое-то непривычное мужское царство. Они сидели, нервно постукивая пальцами по коленям, словно ожидая чего-то особенного.

И вот, один из них... широкоплечий мужчина с грубыми чертами лица, привел на прием своего сына с небольшой простудой. Во время осмотра он нагло, вызывающе оглядел меня с головы до ног, задержав взгляд на моей груди. Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Такого раньше никогда не было! Обычно родители относились ко мне с уважением, доверяли

здоровье своих детей. А тут... словно я превратилась в какой-то объект для похотливых взглядов. Меня это возмутило до глубины души, лишило дара речи. Я почувствовала себя униженной, словно меня раздели догола посреди улицы. Беспомощной, словно меня предали самые близкие люди.

Не выдержав невыносимого напряжения, я пулей вылетела из кабинета, захлопнув за собой дверь. Нужно было отдышаться, прийти в себя, хоть на глоток вдохнуть свежего воздуха. Но едва успела сделать шаг в коридор, как тут же услышала обрывок чужого разговора:

— ...да это же она... тот самый голый врач!

Эти слова словно ножом вонзились в сердце. Мир померк, поглощённый внезапной тьмой. В горле пересохло, словно я выпила всю пустыню. Сердце бешено заколотилось, пытаюсь вырваться из груди. В глазах потемнело, и я чуть не потеряла сознание. Нет, я больше не могу. Это выше моих сил. Я не выдержу этого позора. Не вынесу этого унижения. Нужно бежать. Бежать куда угодно, лишь бы не слышать эти шепотки и взгляды.

И тут внезапно я осознала: *почти все* в больнице в курсе произошедшего. Мои фотографии увидели, растиражировали, обсудили, осудили. Жизнь, которую я так тщательно строила, в одно мгновение рухнула, превратившись в груды обломков. И как теперь жить с *этим*? Как смотреть людям в глаза? Как лечить детей, зная, что их родители теперь видят во мне «голого врача»?

Недоумение

Словно канатоходец, балансирующий над пропастью, я заставляла себя идти вперед, вглубь кабинета. Каждый шаг был подвигом, преодолением себя. Стыд липкой паутиной обволакивал меня, душил. Я чувствовала, как плавают щеки, кожа горит огнем. Я знала, они видели фотографии. Видели все. Шепот и перешептывания, брошенные в спину взгляды — я чувствовала их каждой клеточкой тела.

Дети... Мои маленькие пациенты. Они смотрели на меня своими чистыми, невинными глазами. Как объяснить им, что произошло? Как не запятнать их мир грязью, которая сейчас обрушилась на меня? Я пыталась сосредоточиться на их проблемах, на их болезнях, но в голове неотвязно крутились вопросы: что думают их родители? Доверят ли они мне своих детей после всего этого? Смогу ли я когда-нибудь вернуть их доверие?

Едва дождавшись перерыва, я выскочила из кабинета и, дрожащими пальцами, набрала номер Даниеля.

— Ты... ты уже опубликовал его? — прошептала я, едва сдерживая рыдания.

— Амели, мы же договаривались, — его спокойный голос разбился о мою боль, словно хрустальный шар о бетон.

— Но почему так рано? Почему ты не предупредил меня? — в отчаянии вопрошала я.

— Амели, я говорил, что мы его опубликуем утром, но не уточнил во сколько. Это мое упущение. За это прошу прощения. Но в остальном — это моя работа, — отрезал он.

Как же я ненавидела это слово — «работа». Оно стало оправданием для всего: для предательства, для жестокости, для бесчувственности. Я объяснила! Я рассказала все, как есть! О том, как отчаянно Селеста просила меня об участии, о том, что это был единственный способ помочь ей. Почему люди видят только «голого врача»? Почему им не важна причина? Почему никто не видит меня — доктора, подругу, просто человека?

Остаток дня тянулся словно вечность. Каждый осмотр, каждая консультация давались мне с неимоверным трудом. Я чувствовала себя грязной, опозоренной, словно на мне выжгли клеймо. И облегчение, хлынувшее на меня с окончанием рабочего дня, было лишь слабым подобием свободы.

Возвращаясь домой, я смотрела на город другими глазами. Те уютные кафешки, где я любила находиться по поводу и без, теперь казались мне логовами сплетников, скрывающими за своей теплой обстановкой тень недоверия. Веселые детские площадки, мимо которых я проходила, раньше напоминали мне о беззаботной невинности, а теперь — о потерянных мечтах и утраченной чистоте души. Даже приветливые лица соседей, которые всегда улыбались мне, казались теперь полными осуждения и презрения, словно каждый взгляд — это упрек за мои ошибки.

Город, который я так любила, исчез. Он превратился в мрачное и таинственное место, полное враждебности и неприятия. Каждая улица, каждый переулок хранил в себе тень моего позора, словно стены домов шептали о моих ошибках и промахах. Я чувствовала, как холод проникает в каждую клеточку моего тела, как будто сама земля отвергает меня. Мои шаги становились все тяжелее, и я ощущала, что теряю связь с этим местом, которое раньше было моим домом.

Каждый дом, каждая лавочка, каждая вывеска казались мне теперь свидетелями моей боли. Они шептали о моих ошибках, о моих страхах, о моем одиночестве. Я больше не чувствовала себя здесь в безопасности. Внутри меня росло ощущение, что я одна — совсем одна, в этом огромном, холодном городе, который раньше был моим убежищем. Теперь он стал моим тюремным заключением, местом, где я должна скрывать свои слезы и свои страхи.

Я шла по улицам, ощущая, как внутри меня борются два противоположных чувства: желание убежать и желание остаться, чтобы разобраться со своей болью. В этом городе, полном теней и шепотов, я поняла, что потеряла не только место, но и часть себя. И теперь мне предстояло найти путь к себе, несмотря ни на что, несмотря на холод и отчаяние.

Я была одна. Совсем одна.

Подходя к дому, я вдруг заметила свет в гостиной. Значит, все они уже там. В этот момент сердце сжалось от боли и тревоги. Я не могла показаться им на глаза сейчас — заплаканная, разбитая, неудачница. Они меня просто не узнают. Я уже другая. Не та, которая сегодня утром выбегала на работу с надеждой на то, что все обойдется. Что-то внутри сломалось, и я чувствовала, как эта рана разрастается.

Остановившись у калитки, я не могла заставить себя сделать следующий шаг. Вся моя сила, вся моя решимость исчезли в этот момент. Сегодня утром я испытала такой огромный стыд, что кажется, он пронзил меня насквозь. И, наверное, я еще не готова сильнее стыдиться перед родителями и Мартой. Им, скорее всего, уже все рассказали и показали — какая у них беспутная, неидеальная дочь. Теперь я — всего лишь разочарование, ошибка, которая теперь стоит у порога их дома.

Это беда маленьких городков, подумала я. Когда дети друзей успешны, им завидуют. А стоит им оступиться — их гнобят, за спиной, шепчутся, обсуждают, осуждают. И я — не исключение. Внутри меня кипит ощущение, что я потеряла свою ценность, свою силу, свою уверенность. И все это — в тени этого дома, в тени тех глаз, что, возможно, уже обсуждают мою судьбу.

Я вспомнила, что так и не прочитала интервью. Хотела, но не было времени. Может, Даниель как-то перекрутил мои слова? Или я сама слишком много придумала? Вся эта неопределенность только добавляла мне тревоги. Что, если я ошиблась? Что, если всё действительно не так плохо, как кажется?

Что делать-то? — снова задалась я вопросом, чувствуя, как внутри меня растет паника. В голове мелькали мысли, страхи, сомнения. Я стояла у порога, словно на грани между прошлым и будущим, между тем, что было, и тем, что будет. И страшилась всего и сразу.

Вдруг мои глаза наткнулись на папины любимые кусты у ограды. Там что-то мелькнуло. Я замерла, прислушиваясь. В тени, среди веток, что-то шевелилось. Неясное движение, словно кто-то прятался там, наблюдая за мной. Сердце забилося быстрее. В голове сразу возникла мысль — это собака. Наш пёс Руби давно пропал, и я часто представляла, как он бежит навстречу, радостно виляя хвостом. Но сейчас я не могла избавиться от ощущения, что это что-то другое.

Я попыталась прогнать это ощущение, прогнать кого-то или что-то, что там, в кустах. Может, мне показалось? Может, это просто тень, играющая на ветках? Но вдруг — шорох. И он был неестественным, резким, словно кто-то быстро убежал. Я напряглась, прислушиваясь. В тишине раздались тихие, быстрые шаги, убывающие вдаль. Они исчезли так же внезапно, как и появились.

Я замерла, сердце колотилось в груди. В голове мелькнула мысль: кто это мог быть? И зачем? Вся тревога усилилась. В этот момент я поняла, что даже в этом тихом, казалось бы, безмятежном месте, скрывается что-то неясное и страшное.

Может, не входить? Не думаю, что готова искать подходящие слова и все объяснить родным. Господи! Я никогда не могла представить, что я не захочу заходить в дом к родителям! Никогда не думала, что буду стыдиться смотреть им в глаза!

Я как вкопанная стояла у калитки, сердце бешено колотилось, и мысли путались. Внутри меня боролись страх и отчаяние. Нужно было что-то делать, иначе я сойду с ума от этого напряжения. В конце концов, я решила: лучше взять паузу. Пусть я и не знаю, что будет дальше, но сейчас мне нужно отдохнуть, чтобы не потерять рассудок.

Я достала из сумки телефон и быстро написала папе смс: «Остаюсь на ночь у Селесты. Не волнуйся, всё хорошо. Вернусь завтра». Это было важно — дать понять, что я не исчезаю, что мне просто нужно время. И, не раздумывая, я повернула в сторону соседнего квартала.

Пока шла, я заметила, что на улице уже знатно стемнело. В темноте, под слабым светом фонаря, я присела на свободную лавочку. И открыла сайт объявлений. Может, я смогу найти временное убежище, пока не разберусь со всем этим.

Я взяла телефон и начала звонить по трем понравившимся по описанию вариантам. Первый — квартира в старом доме, недалеко от центра. Доехала до него достаточно быстро без пересадок на автобусе. Внутри мне всё понравилось: уютно, чисто, хозяева вроде доброжелательные. Но когда я подошла к окну, чтобы посмотреть вид, почувствовала, что что-то не так. В комнате за спиной шептались хозяева — я услышала тихие голоса, словно кто-то обсуждает меня. Внутри меня зашевелилась тревога. Может, они в курсе про мои фото? Или просто так мне показалось? Я быстро ушла, не оборачиваясь.

Второй вариант — квартира чуть дальше, в новом районе на окраине. Но, как только я подошла, мне сразу отказали. Хозяева сказали, что не хотят проблем, что квартира уже занята, и что они не хотят связываться с «проблемными» клиентами. Я поняла — это из-за тех фотографий.

Остался третий вариант — старенькая квартира, но зато она находилась ближе всех к больнице. Я решила рискнуть и отправилась туда. Улица была тихая, освещенная слабым светом уличных фонарей. Выйдя из метро, я заметила невысокий дом с облупленной краской и небольшим крыльцом. Войдя внутрь, я почувствовала запах старых вещей и пыли. В коридоре было тихо, только скрипнули половицы под моими шагами. Я поднялась по лестнице на второй этаж и постучалась в дверь.

На пороге появился пожилой мужчина азиатской внешности — очень милый, с добрыми глазами и мягкой улыбкой. Он сразу показался мне очень приятным и спокойным. Он поприветствовал меня с легким акцентом, назвался Такеши и предложил войти.

Внутри квартира оказалась очень скромной — простая, без лишних деталей, с небольшой кухней и одной комнатой.

Интерьер был типичным для японского стиля: светлые деревянные полы, покрытые мягким татами, создавали ощущение уюта и спокойствия. На стенах висели старые черно-белые фотографии в тонких деревянных рамах, запечатлевшие моменты из прошлого — семейные праздники, пейзажи, портреты. В углу стоял низкий деревянный столик, рядом — небольшая тумбочка с традиционной японской лампой с мягким бумажным абажуром.

Мебель была старенькая, но аккуратная: низкая кровать с простым постельным бельем, аккуратно сложенным на краю, и небольшой шкаф из светлого дерева. В углу стояла небольшая кухонная зона с компактной плитой и раковиной, а на полках — керамическая посуда и чайные чашки. Всё было чисто и аккуратно, несмотря на простоту.

Пока я ходила по комнате, разглядывая ее, Такеши рассказал, что раньше жил здесь с супругой, но после её смерти больше не мог оставаться в прежнем жилище и переехал на окраину города, поселившись в небольшом уютном домике.

Я решила, что соглашусь остаться здесь, так как отторжения Такеши не вызывал, на маньяка не был похож. Да и я уже очень устала за сегодняшний день. В желании оплатить аренду квартиры переводом через мобильное приложение банка, уже потянувшись рукой к телефону, чтобы провести операцию, однако поймала чуть смущенный и почти извиняющийся взгляд Такеши. Взглянув на его руку, я поняла причину — он держал в руках простой кнопочный телефон.

— Видите, интернета здесь нет, — мягко пояснил Такеши, заметив мою реакцию. — Наверное, такое жилье не понравится активной молодой девушке, привыкшей иметь постоянный доступ к интернету.

От неожиданности я рассмеялась, радуясь своему открытию: Такеши точно не пользовался соцсетями, значит, мои интимные фото остались тайной и не смогут стать предметом сплетен.

— Наоборот, отсутствие интернета — лучший выбор для меня, — искренне произнесла я. Наконец-то я отдохну от всего и поживу спокойно, наслаждаясь одиночеством. Облегчённо вздохнув, я положила телефон обратно в карман и поблагодарила хозяина. Затем я торопливо от радости достала наличные деньги и впервые за сегодня почувствовала настоящее спокойствие.

Мы попрощались с Такеши, и я еще раз напомнила, что останусь на одну ночь, он, улыбувшись, поклонился и двинулся к своей старенькой тойоте.

Я закрыла за Такеши дверь и на мгновение прислонилась к ней спиной, впитывая тишину. В этой комнате не было ни навязчивых уведомлений, ни мигающих индикаторов — только спокойное, почти осязаемое безмолвие.

Первым делом я направилась в ванную. Включила воду, отрегулировала температуру — настолько горячую, чтобы кожу чуть покалывало. Пока набиралась ванна, я медленно сняла с себя одежду, словно избавлялась от тяжёлой оболочки прошедшего дня. Каждый предмет — блузка, юбка, носки — будто хранил в себе следы бесконечных разговоров, взглядов, вопросов, на которые я не хотела отвечать.

Опустившись в воду, я закрыла глаза. Струи дождя из душевой лейки били по плечам, и мне казалось, что они смывают не только пыль и усталость, но и всё то, что накопилось внутри: тревогу, сомнения, навязчивые мысли, которые крутились в голове как заезженная пластинка. Я представляла, как вода уносит с собой этот день — его суету, его ненужные слова, его фальшивые улыбки. Остаётся только тишина и тепло.

Вышла из ванны я уже другим человеком — лёгким, почти невесомым. Надела свободную футболку, которую достала из рюкзака, завернулась в мягкий халат, найденный на крючке. В комнате пахло свежестью и деревом. Я села на край кровати, глубоко вдохнула и достала из сумки телефон.

Интервью.

В этот момент мой телефон тихо пискнул. Я вздрогнула, будто меня застали за чем-то запретным. На экране светилось сообщение от журналиста Даниэля, а перед глазами я сразу увидела его красивые глаза цвета летнего безоблачного неба, словно, он сейчас сидит напротив меня:

«Амели, привет! Надеюсь, ты в порядке. Хотел уточнить — успела взглянуть на текст интервью? Буду очень благодарен за обратную связь. Знаю, что это непросто, но твоя точка зрения для меня крайне важна. Дай знать, когда будешь готова обсудить».

Я уставилась на экран. Его слова были добрыми, почти заботливыми, но от этого мне стало только тяжелее. Как объяснить ему, что я боюсь не текста — я боюсь себя в этом тексте? Боюсь, что, прочитав его, я увижу не ту Амели, которой хочу быть, а кого-то другого — уязвимого, растерянного, неспособного дать чёткие ответы на сложные вопросы.

Я положила телефон на тумбочку, откинулась на подушку и уставилась в потолок. В комнате было тихо. Слишком тихо. И в этой тишине я, наконец, позволила себе задать вопрос, которого избегала весь день: а кто я на самом деле?

С сжатым телефоном в руке, я пролежала с минут 20. И, наконец, собравшись с силами, набрала в интернете сайт этого СМИ. Долго искать статью о себе не пришлось. Она была закреплена, а под ней уже было 15 000 просмотров.

Дрожащим пальцем и с замиранием сердца я открыла новость о себе. Сразу взгляд упал на главное фото — спасибо, Даниэль, что поставил фотографию, где мне вручали городскую премию за вклад в здравоохранение в прошлом году. Но пролистнув вниз, я поняла, что и моя фотосессия также загружена на портал. Дышим.

Вот и заголовок: Педиатр из Мейплвуда рассказала о своей эротической фотосессии. М-да, Даниель не стал церемониться.

Решаю пролистнуть еще ниже.

Интервьюер: Расскажите, как всё началось. Что привело вас к участию в этом проекте?

Амели (вздыхает, взгляд уходит в сторону): Всё началось с моей подруги. Она давно мечтала получить грант на свой проект и буквально загорелась этой идеей. Уговорила меня присоединиться — говорила, что вместе у нас больше шансов. Я... я не смогла отказать. Мы дружим столько лет, я привыкла ей доверять, поддерживать в любых начинаниях.

Интервьюер: И как развивались события дальше?

Амели (голос дрожит): Она взяла на себя организационные моменты, а я просто согласилась помочь. Даже не вникала особо в детали. А потом... потом я увидела свои снимки в публичном доступе. Она выложила их без моего ведома, без предупреждения. Это было как удар под дых. Я чувствовала себя обнажённой, уязвимой. Словно кто-то ворвался в мой личный мир и перевернул всё вверх дном.

Интервьюер: Вы ожидали подобного поворота?

Амели (с горечью): Нет, конечно! Я никогда не думала, что такое может произойти. Это просто... ужасно. Как будто земля ушла из-под ног. Я до сих пор не могу поверить, что человек, которому я доверяла, мог так поступить.

Интервьюер (с лёгкой иронией): Понимаю ваши чувства. Но скажите, разве не было тревожных звоночков? Неужели вы совсем не замечали «красных флагов»?

Амели (замолкает на секунду, подбирая слова): Я доверяла ей. Мы прошли вместе через столько испытаний... Мне казалось, что дружба — это нечто незыблемое. Что близкие люди не способны на предательство.

Интервьюер: Доверие — прекрасная вещь, но, возможно, вам стоило быть чуть более бдительной? История знает немало примеров, когда даже самые крепкие дружеские связи рушились из-за недопонимания или корысти.

Амели (в голосе нарастает напряжение): Вы хотите сказать, что я сама виновата в том, что случилось? Что должна была предвидеть этот удар? Но как? Как можно подготовиться к тому, что человек, которого ты считаешь родным, вдруг становится чужим?

Интервьюер (спокойно, но настойчиво): Речь не о вине, а о границах. О том, насколько чётко вы их обозначили. Разве не стоит задуматься: что такое доверие на самом деле? Может, это не просто слепая вера, а осознанный выбор, требующий взаимного уважения?

Амели (растерянно): Я не уверена, что всё было так преднамеренно. Может, она просто не подумала о последствиях...

Интервьюер: О, предположения — удобный способ оправдать чужие поступки. Но давайте посмотрим правде в глаза: ваша подруга не просто нарушила границы — она растоптала ваше доверие. Это не случайность, а сознательный выбор.

Амели (с болью): Я ведь просто хотела помочь! Хотела сделать что-то значимое, полезное...

Интервьюер: И вы отдали свою жизнь в руки человека, которого, возможно, знали не так глубоко, как думали. Вы готовы были принять все последствия — даже те, что обнажают ваши слабости?

Амели (тихо, но твёрдо): Я делала это не только ради себя. Я верила, что смогу помочь другим.

Интервьюер: Помочь — это прекрасно. Но скажите, не стало ли это желание помочь формой самообмана? Возможно, вы искали одобрения, стремились доказать свою значимость? Или, может, публикация снимков была неким способом саморекламы?

Амели (резко, с возмущением): Нет! Это не так! Я просто хотела поддержать подругу.

Интервьюер: Понимаю ваши эмоции. Но чем дольше вы остаётесь в этой ситуации, тем сложнее будет из неё выйти. Уверены ли вы, что сможете противостоять общественному мнению? Что готовы к тому, как люди могут интерпретировать вашу историю?

Амели (после паузы, с дрожью в голосе): Я не хочу, чтобы это разрушило мою жизнь. Я хочу донести свою правду. Хочу, чтобы люди поняли: я не жертва обстоятельств, а человек, который пытался сделать доброе дело.

Этой части мне было достаточно.

Все. Это конец. Я откинулась на подушку, отбросив телефон в сторону, и закрыла глаза.

Я не хотела ничего думать. Но в голову все-таки пролезла мысль прочесть комментарии к статье.

Интерес взял свое, и рука вновь потянулась к телефону.

Но лучше бы я этого не делала.

«Педиатр, который „не вникал в детали“ перед съёмками? А с диагнозами у детей тоже так: „просто помогла, не разбиралась“?»

«Лечит детей, но не разглядела предательство подруги? Где ваша врачебная проницательность?»

«А родителям пациентов вы тоже советуете „просто верить“?»

«Интересно, как вы объясняете родителям, почему врач, который не умеет защищать свои границы, должен защищать здоровье их детей?»

«Я просто хотела помочь» — отличное оправдание и для ошибочного диагноза, видимо»

«Доктор, вы же учите родителей бдительности. А сами не заметили, как вас используют. Где логика?»

«Если вы не смогли предугадать поступок подруги, как вы прогнозируете осложнения у пациентов?»

«Дружба — не анамнез. Но хотя бы симптомы предательства можно было заметить?»

«Доктор Амели: помощь подруге важнее репутации. А здоровье пациентов — на каком месте?»

«Если вы не контролировали процесс, то как контролируете лечение?»

«Куда смотрит медздрав? Лишить эту права на оказание врачебных услуг!»

«Голый врач»

Ну, вот и все.

Тревога

Мой мир разрушен.

Помню, как плакала, читая комментарии.

Помню, как кинула телефон на пол.

Помню, как от страха или гнева желала ответить всем и каждому.

Помню, как переубеждала себя в этом.

Не помню, как уснула.

Помню, как проснулась с глазами, которые резало от соли.

Не помню, как собравшись, отправилась на работу.

Как запирала дверь — тоже не помню, но помню, как переживала об этом весь рабочий день.

Помню все косые взгляды родителей и коллег.

Помню, как осознала, что все всё знают.

Помню, как Джулия по-доброму отметила, что у меня «оказывается красивая фигура».

Помню, как случайно в туалете подслушала разговоры обо мне, где меня снова называли «голым врачом».

Не помню, как добралась до родительского дома.

Помню, как папа предложил мне чай, и мы сели в гостиной ожидать приход мамы.

Я сидела за кухонным столом, словно приговоренная. Закатное солнце пробивалось сквозь занавески, высвечивая пылинки в воздухе, и каждая казалась крошечной частичкой моего рухнувшего мира.

— Мама, я... мне так жаль, — прошептала я, глядя в пол. Слова казались комком в горле.

Марта подошла ко мне и нежно коснулась моей руки. Ее глаза говорили больше, чем любые слова. Она понимала.

— Амели, ты же врач! Педиатр! Ты понимаешь, какой это скандал? Все... все в городе только об этом и говорят, — голос мамы был ледяным. В нем не было и следа того тепла, которым он обычно согревал меня в детстве.

Папа откашлялся, пытаясь разрядить обстановку.

— Амели, ну... всякое бывает. Ты хотела помочь Селесте. Твои намерения — самое главное.

— Помочь? Да ты свою репутацию уничтожила! И мою заодно! Ты хоть помнишь, что я тебе говорила о моем бизнесе? Клиенты уходят! Я столько лет его строила! — мама всплеснула руками, ее лицо покраснело от гнева.

— Я не знала, что так получится, — пробормотала я.

Внезапно мама замолчала и посмотрела на меня с каким-то странным выражением.

— Знаешь... Селеста победила в этом проекте.

Я замерла. Селеста победила? После всего этого она победила? Ярость и разочарование волной захлестнули меня.

— Не может быть! — выдохнула я.

Мама усмехнулась.

— Может. И знаешь, что я думаю? Она это специально. Специально выложила фотографии в сеть. Она всегда тебе завидовала.

Внутри меня все перевернулось. Неужели она могла так поступить? Страх за будущее, стыд перед родителями и теперь еще и предательство. Все это давило на меня, как огромная тяжесть. Я чувствовала себя совершенно раздавленной.

— Но зачем? Зачем ей это нужно было? — мой голос дрожал. Слезы подступили к глазам, но я усилием воли сдержала их. Нельзя показывать слабины. Сейчас нельзя.

Папа положил руку на мое плечо, но я почувствовала лишь пустоту. Его прикосновение не согревало, а скорее давило, напоминая о том, как я подвела его, всю семью. Марта, моя тихая опора, по-прежнему держала мою руку, ее ладонь была теплой и успокаивающей.

— Селеста всегда умела плести интриги. А ты... ты слишком наивна. сказала мама, в ее голосе все еще звучали стальные нотки.

Наивна? Может быть, она и права. Может быть, я и вправду позволила себя одурачить. Но как можно было заподозрить Селесту в таком?

Я подняла глаза на родителей. В их глазах я увидела смесь разочарования, гнева и... беспокойства. Беспокойства за меня. И это было хуже всего. Я не просто облажалась, я причинила боль самым близким мне людям.

— Я уйду, — тихо сказала я.

Мама нахмурилась.

— Куда уйдешь?

— Я сняла квартиру вчера. Не могу здесь больше оставаться. Не могу смотреть вам в глаза.

— Не говори глупостей, — вмешался папа. — Все уляжется. Люди забудут.

Но я знала, что он не прав. В таком маленьком городе, как наш, скандалы не забываются. Они лишь тлеют под пеплом, готовые вспыхнуть в любой момент. И я стала этим скандалом.

— Кстати, были и хорошие комментарии, — продолжил папа. — На, смотри. — Он торопливо достал телефон, и мне показалось, что он слишком быстро нашел статью, будто она была у него в закладках. Он протянул телефон мне.

«Ваша честность в интервью вызывает уважение. Не каждый готов так открыто говорить о боли»

«То, что вы не опустили руки и хотите донести свою правду, — достойно восхищения»

«Ваша готовность признать уязвимость делает вас человечнее. Пациентам важно видеть живого врача, а не робота»

Мне стало легче, но совсем немного. За эти несколько дней даже за такие крохи слов я была очень признательна.

Господи. Какая же я теперь жалкая.

В тот же вечер я отправила Такеши сообщение: «Такеши, добрый вечер! Если вы не против, я бы осталась у вас на долгий срок»

Ответ пришел почти мгновенно: «Амели, я очень рад»

Несмотря на то, что я уже приняла решение, в груди все равно саднило. Особенно тяжело было прощаться с Мартой. Она сидела рядом со мной на кровати, пока я складывала вещи в чемодан.

— Марта: (Жест: ладонь раскрыта, указательный палец касается подбородка, затем направлен вперед — скучать буду. Два указательных пальца направлены друг на друга и несколько раз пересекаются — обязательно навещай. Рука касается щеки несколько раз, сжимает пальцы в кулак и крутит его как ручку кинопроектора — по воскресеньям фильмы. Наши фильмы), — закончила она.

В ее глазах стояли слезы, и я обняла ее, чувствуя, как ее плечи вздрагивают.

Собирать вещи оказалось сложнее, чем я думала. Я металась между желанием взять все, что напоминало о доме, и необходимостью оставить что-то позади. Я выбрала несколько любимых книг, теплый свитер, который связала Марта, и фотографию нас троих — меня, папы и Марты — на летнем пикнике. Фотографии мамы я рассматривать не стала.

Стараясь не думать о причинах моего отъезда, я перебирала одежду, откладывая в сторону то, что, на мой взгляд, пригодится. Но даже новые вещи казались какими-то чужими, не подходящими для новой жизни.

Папа помог донести чемоданы до машины. Мама так и не вышла. Всю дорогу мы ехали молча. Я чувствовала его поддержку, не смотря на то, что он ни разу не проронил ни слова. Мне казалось он тоже винит маму, в том что она сделала из меня козла отпущения, вылила весь свой гнев.

Уже у выхода из дома папа вдруг остановился.

— Я зайду с тобой, убедиться, что все в порядке, — сказал он.

В квартире папа внимательно осматривал интерьер, цокал языком. Он обошел всю квартиру, заглядывая в углы, проверяя чистоту и порядок. Внутренне я благодарила его. Мне было важно, чтобы он знал, что я в безопасности.

— Условия хорошие, — наконец сказал он. — Но помни, ты всегда можешь вернуться.

Я кивнула, зная, что это его способ сказать, что он любит меня, несмотря ни на что. Обняв отца, я отстранилась и, вдохнув поглубже, шагнула в новую жизнь, полную неизвестности и надежды.

Меня угнетали мысли о работе. О шепчущихся коллегах. Об осуждающих родителях детей. Я смирилась с тем, что мои откровенные фотографии стали достоянием общественности, но я не привыкла к такой реакции окружающих на себя. В голове промелькнула мысль, может, написать Селесте, поздравить и спросить прямо, специально ли она это сделала или нет?

После того, как я разложила привезенные из дома вещи в небольшой комод, эта мысль пропала из моей головы.

Я снова потянулась к телефону и открыла уже до боли знакомый сайт. Снова перечитав статью и комментарии к ней, поняла, что их стало больше, а они стали резче и жестче. А число просмотров увеличилось до 30 000.

Решила написать Даниелю, может, он сможет как-то запретить комментарии? Я открыла наш чат и набрала сообщение дрожащими пальцами:

Амели: (20:48) Даниель, привет. Это Амели.

Ожидание. Видимо, он занят. Вдруг телефон завибрировал.

Даниель: (20:50) Привет, Амели. Что случилось?

Мое сердце забилося быстрее.

Амели: (20:52) Комментарии... их становится все больше. Они ужасные. Может, ты можешь что-то сделать? Запретить их, например?

Прошло несколько минут, прежде чем он ответил.

Даниель: (20:57) Я понимаю, как тебе тяжело, Амели. Но, к сожалению, я не могу просто так их удалить. Это свобода слова.

Свобода слова? В данном случае это свобода издевательств! Ярость начала закипать внутри меня.

Амели: (20:58) Но это же клевета! Ложь! Они пишут обо мне гадости!

Даниель: (21:00) Я знаю. И мне очень жаль. Но я могу попробовать модерировать их. Удалять самые оскорбительные. Это максимум, что я могу сделать.

Модерация — это, конечно, хорошо, но вряд ли это остановит поток ненависти.

Амели: (21:01) Спасибо. Это хоть что-то.

Даниель: (21:02) Не переживай, Амели. Все наладится.

Амели: (21:03) Я очень на это надеюсь.

...и отбросила телефон на кровать, упав вслед за ним. Через несколько секунд вновь услышала вибрацию, которая исходила от него. Сообщение?

Даниель: (21:04) Может, встретимся завтра? Обсудим результаты нашего сотрудничества?

Хм. Неожиданное предложение. Пойдя на поводу у эмоций за весь день, я уже начала печатать отказ, но вдруг поняла, что сейчас мне не мешает человек, который как минимум меня не осуждает и не называет меня «голым врачом». Он назначил время и место.

Я помню, как начала ждать встречи с этим журналистом.

Просыпаюсь от писка будильника. Ещё не открыв глаза, чувствую: сегодня будет тяжело. В висках стучит, во рту — сухость, будто я всю ночь бежала без остановки. Вчерашний вечер снова всплывает в памяти: разговор с родителями, мерзкие комментарии... Я сжимаю кулаки под одеялом.

Встаю, машинально включаю старенький чайник. Раньше по утрам я улыбалась, думая о том, как по пути на работу поздороваюсь с миссис Хендерсон у подъезда, перекинусь парой слов с мистером Брауном, который всегда выгуливал своего пса в семь тридцать. Теперь они, наверное, даже не посмотрят в мою сторону. Или посмотрят — но с осуждением.

Выхожу из дома. Воздух холодный, резкий — как пощёчина. Иду по тротуару, опустив голову. Вышла на дорогу, по которой раньше подходила в больницу. Вот киоск, где я покупала кофе по утрам. Всё то же самое — и всё уже не то. Я будто призрак, который бродит по знакомому месту, но больше не принадлежит ему.

Телефон завибрировал в кармане. Достая его — сообщение от неизвестного номера:

«Ты думаешь, тебе позволят и дальше работать с детьми после того, что все увидели? Готовься к увольнению. Родители уже собирают подписи».

Сердце падает. Ещё одно:

«Один неверный шаг — и ты вылетишь. Мы следим».

Руки дрожат. Кто это? Как они узнали мой номер? Пытаюсь дышать ровно, но воздух будто застревает в горле. Запихиваю телефон поглубже в карман, как будто это может спрятать угрозы от реальности. Ускоряю шаг, иду осматриваясь. Это все не может быть правдой.

До больницы добираюсь как в тумане. Знакомый запах антисептиков и кофе из буфета обычно успокаивает, но сегодня он кажется чужим, враждебным. Коллеги здороваются, но взгляды... Они избегают моего взгляда.

Начинаю смену. Приём детей, осмотры, назначения. Стараюсь сосредоточиться, но мысли то и дело возвращаются к тем сообщениям. Что, если это правда? Что, если родители действительно потребуют моего увольнения? Я люблю эту работу. Эти дети — моя жизнь.

Один малыш, лет пяти, улыбается мне, показывая нарисованный цветок.

— Это вам, тётя Амели!

Я едва сдерживаю слёзы.

— Спасибо, солнышко. Он прекрасен.

День тянется бесконечно. Каждый звонок, каждый шорох заставляет меня вздрагивать. Я жду, что вот-вот кто-то подойдёт и скажет: «Ты больше здесь не работаешь».

Когда смена закончилась, я уже почти убедила себя, что всё обошлось. Собираю вещи, готовлюсь уйти. И тут медсестра Джулия заглядывает в кабинет:

— Амели, тебя вызывает главный врач. Сейчас.

Внутри всё оборвалось.

Кабинет главного врача — строгий, светлый, с большим столом и портретами выдающихся медиков на стенах. Доктор Моррис сидит за столом, лицо серьёзное, но не злобное.

— Амели, присаживайся.

Сажусь, сжимая руки на коленях. Молчу. Жду.

— Я в курсе слухов, — говорит она тихо. — И я в курсе, что некоторые родители подали петицию с требованием твоего увольнения.

Я чувствую, как кровь отливает от лица.

— Я... я не знаю, что сказать. Это не то, чем кажется...

— Я не прошу объяснений, — перебивает она. — Это твоё личное дело. Но я должна думать о репутации больницы. О доверии родителей.

Молчание. Тяжёлое, густое.

— Ты хороший врач, Амели. Я видела, как ты работаешь. Дети тебя любят. Но... — она делает паузу, — ...есть рамки, за которые нельзя выходить. Общество ждёт от нас определённого поведения.

— Я никогда не позволяла себе ничего, что могло бы навредить детям, — говорю я, чувствуя, как голос дрожит. — Моя личная жизнь... она не касается работы.

Доктор Моррис смотрит на меня долго, пристально.

— Я хочу тебе верить. Но мне нужно знать: ты сможешь держать это под контролем? Потому что если слухи продолжают распространяться... Я не смогу тебя защитить.

Я молчу. Что я могу сказать? Что анонимные угрозы не прекратятся? Что кто-то явно хочет меня уничтожить?

— Я сделаю всё, чтобы это не повлияло на работу, — наконец произношу я. — Пожалуйста, дайте мне шанс.

Она кивает, но взгляд её остаётся холодным.

— Хорошо. Но будь готова: это не конец. Если ситуация обострится, мне придётся принять меры.

Выхожу из кабинета, чувствуя, как ноги подкашиваются. В коридоре темно, лампы мерцают. Я прислоняюсь к стене, закрываю глаза.

Что дальше? Кто стоит за этими угрозами? И как мне доказать, что я всё ещё достойна быть здесь?

Я бреду домой, едва замечая дорогу. Ноги будто ватные, каждый шаг даётся с усилием. В голове — какофония из фраз доктора Моррис, анонимных сообщений, собственных тревожных мыслей. *«Ты сможешь держать это под контролем?»* — звучит в ушах. Как будто я могу просто взять и выключить этот кошмар, как лампочку.

Захожу в квартиру. Тишина давит. Бросаю сумку на тумбу, стягиваю медицинский халат, будто избавляюсь от тяжёлой брони. Хочется свернуться на диване, накрыться пледом и ни о чём не думать. Но тут взгляд падает на экран телефона — сообщение от Даниеля:

«Жду тебя в 19:30 у кафе „Лира“. Не опаздывай»

Сердце ёкает. Я совсем забыла. Сегодня же наша встреча. Отказаться? Рука тянется к телефону, но я замираю. Он, наверное, уже в пути. Будет некрасиво. Да и что я скажу?

«Прости, у меня кризис, меня могут уволить, а ещё кто-то угрожает...» Звучит как оправдание подростка.

Глубокий вдох. Выдох.

Открываю шкаф, перебираю вещи. Чёрное платье — то самое, которое я надевала на прошлый новый год. Короткое, но не вызывающее, с аккуратным вырезом. Достаю его, провожу рукой по гладкой ткани. Оно всегда придавало мне уверенности.

Переодеваюсь. Зеркало отражает усталую девушку с тенью под глазами. *«Не годится»*, — думаю я и направляюсь в ванную.

Торопясь умываюсь холодной водой, массирую лицо, чтобы вернуть хоть немного свежести. Достаю косметичку. Лёгкий тон, немного румян, тушь — ничего лишнего. Главное не превратить это в маскировку, а просто... напомнить себе, что я всё ещё здесь. Что я — это я.

Волосы. Распускаю их, провожу расческой, но потом решаю: пучок. Высокий, аккуратный, с несколькими выбившимися прядями. Так проще. Так я чувствую себя собранной. Закрепляю шпильками, проверяю — держится. Добавляю бабушкину заколку.

Теперь аксессуары. Тонкий серебряный браслет — подарок мамы. Серьги-гвоздики. Ничего кричащего. Всё должно быть в меру.

Гольфы. Белые, плотные, до колена. Они добавляют образу немного игривости, но при этом не нарушают баланс. Натягиваю их аккуратно, разглаживаю складки.

Туфли. Классические лодочки на небольшом каблуке. Примеряю — удобно. Шаг, ещё один. Не жмут, не скользят. Отлично.

Последний взгляд в зеркало. Да, я выгляжу... нормально. Не блестяще, но достойно. Это уже победа.

Беру маленькую сумку, кладу телефон, кошелек, помаду. Руки всё ещё немного дрожат, но я заставляю себя дышать ровно. *«Это просто ужин. Просто разговор. Ты справишься».*

Выхожу из квартиры. На улице уже темно, фонари зажигаются один за другим. Воздух прохладный, но свежий. Глубокий вдох. Запах приближающейся осени — листьев, дождя, далёкого кофе из ближайшей пекарни.

Иду к кафе, и с каждым шагом тревога немного отступает. Не исчезает, нет, но... прячется на задний план. Сейчас есть только этот вечер, этот путь, этот свет в окнах домов.

Я не знаю, что скажет Даниель. Не знаю, как пройдёт встреча. Но сейчас, в этот момент, я чувствую, что хотя бы на пару часов смогу отвлечься. Смогу быть не «врачом Амели, которую хотят уволить», а просто Амели.

Я подошла к кафе. Это было небольшое уютное заведение с большими окнами, за которыми уже мерцают огоньки вечернего города. Даниель стоит у входа, слегка притоптывая в такт негромкой музыке, доносящейся изнутри. В мягком свете уличного фонаря его фигура выглядит по-домашнему расслабленной, но в то же время — собранной.

Заметив меня, он улыбается. И в этой улыбке столько тепла, что на секунду мне кажется, будто весь сегодняшний хаос отступает на задний план.

И на секунду мир становится чуть менее мрачным.

— Ты как раз вовремя, — говорит он, делая шаг навстречу. — Я уже начал волноваться.

Его голос — низкий, с лёгкой хрипотцой — звучит успокаивающе. Вблизи я замечаю, что он сменил привычный деловой стиль на что-то более непринуждённое: тёмно-серая худи с едва заметным геометрическим узором, поверх — небрежно накинутый тёмно-синий кардиган из мягкой шерсти. Джинсы идеально сидят, подчёркивая стройность ног, а на левом запястье поблёскивают дорогие часы — лаконичные, с тонким металлическим браслетом и матовым циферблатом. Но главное — его глаза. Ярко голубые, они и в сумерках сияют так же живо, как днём. В них нет ни тени осуждения, только внимание и доброта.

Мы заходим внутрь. Кафе встречает нас мягким светом настенных бра с абажурами из натурального льна. В воздухе плывёт аромат свежемолотого кофе, корицы и чего-то ванильного. Интерьер выдержан в стиле рустик: массивные деревянные столы с видимой текстурой древесины, полки с винтажными кофейными кружками и старыми книгами, плетёные корзины с салфетками. У окна — небольшой диванчик с вязаными пледами, а в углу тихо играет джаз на виниле. Совсем не похоже на тот шумный бар, где мы встречались в прошлый раз.

— Здесь уютно, — замечаю я, оглядываясь.

— Решил, что в этот раз нам нужно место поспокойнее, — улыбается он. — Чтобы не приходилось кричать через музыку и запах коктейлей.

Я смеюсь:

— Да уж, в прошлый раз я половину твоих слов угадывала по мимике.

Он залиvisto рассмеялся, и этот звук словно наполнил пространство вокруг нас теплом.

Мы сели у окна. Через стекло были видны спешащие по тротуару люди, огни проезжающих машин, отражение нашего столика в тёмном стекле. Официант в белой рубашке и тёмном жилете подходит с меню — толстыми папками из натуральной кожи с тиснением.

— Что будешь? — спрашивает Даниель, изучая список десертов.

— Латте и шоколадный чизкейк, — отвечаю я, даже не заглядывая в меню. — Это мой спасательный круг в тяжёлые дни.

— Хороший выбор. Тогда мне американо и тирамису.

Официант уходит, а мы остаёмся в уютной полутьме. Где-то вдалеке звучит пианино, кто-то тихо переговаривается за соседним столиком. Время будто замедляется.

— Знаешь, — начинает он, когда перед нами появляются чашки с ароматным кофе, — я всё думал о нашем интервью.

Я внутренне напрягаюсь. Не хочу сейчас говорить об этом. Не хочу вспоминать, как чужие пальцы копаются в моей жизни, как слова, сказанные с искренностью, превращаются в заголовки.

— Спасибо, что не исказил мои слова, — говорю я коротко, помешивая пенку на латте. — Это уже больше, чем я ожидала.

Он качает головой, глядя куда-то в чашку:

— В первые сутки наш сайт упал из-за потока посетителей. Я не ожидал такой реакции. И мне... правда жаль, что некоторые восприняли это так агрессивно. Я не хотел ничего плохого. Хотел показать человека за маской врача, а не устроить скандал.

В его голосе — искреннее сожаление. Он не оправдывается, не защищается. Просто признаёт, что ситуация вышла из-под контроля. И это вызывает во мне неожиданную волну благодарности.

— Люди любят сенсации, — вздыхаю я, глядя на танцующие пузырьки в кофе. — А правда часто неудобна. Они хотят видеть врача как робота, который лечит, но не чувствует. А когда выясняется, что у него есть личная жизнь, эмоции, ошибки... это разрушает картинку.

Он поднимает на меня взгляд:

— Но ведь именно это делает тебя хорошим врачом. Ты не робот. Ты чувствуешь.

Я усмехаюсь:

— Иногда мне кажется, что это моя главная слабость.

— А мне — что главная сила.

Между нами повисает тишина без тени неловкости. Скорее — наполненная.

Наш разговор плавно перетек на другие темы. Он рассказал о своём детстве в маленьком прибрежном городке на севере, о том, как впервые взял в руки камеру отца и сделал снимок маяка на рассвете.

— Плёнка тогда закончилась на середине кадра, — смеётся он. — Верхняя половина — небо и маяк, нижняя — просто чёрная полоса. Но я до сих пор храню этот снимок. Он научил меня ценить несовершенство.

Я поделилась воспоминаниями о бабушке, которая учила меня печь пироги.

— Она говорила, что тесто нужно чувствовать руками, а не измерять стаканами. И всегда добавляла чуть больше корицы, чем в рецепте. «Жизнь слишком коротка для точных пропорций», — повторяла она.

Даниель слушал, не перебивая, иногда задавая уточняющие вопросы. Его взгляд — внимательный, заинтересованный — заставлял меня раскрываться всё больше.

Неожиданно для себя я начинала смеяться. Искренне, легко, так, как не смеялась уже давно.

— А потом я попыталась сделать «ласточку» на физкультуре, — рассказываю я, — и вместо этого эффектно приземлилась на спину. Весь класс лежал. Учитель даже остановил урок, чтобы убедиться, что я жива.

Он захохотал:

— Представляю. Ты, наверное, тогда решила, что карьера гимнастки не для тебя.

— Точно. Зато теперь я могу поставить на место любого пятилетнего пациента, который не хочет делать прививки. Один строгий взгляд — и он уже открывает рот для градусника.

Он посмотрел на меня с теплотой:

— Ты удивительная.

Я почувствовала, как щёки теплеют, но не отвела взгляд.

В какой-то момент, сама не заметив, я рассказала о вызове к главному врачу. Слова лились сами, будто давно ждали выхода.

— Сегодня она сказала, что родители подали петицию с требованием моего увольнения. Что я «не соответствую моральному облику». Как будто я должна быть святой, а не человеком.

Его лицо мгновенно меняется. В глазах — неподдельное возмущение. Он даже слегка приподнимается на стуле.

— Что?! Это же абсурд! Как они могут... — он резко замолкает, будто осознаёт, что слишком резко. Но его искренний гнев согревает меня больше, чем любой комплимент. — Прости. Я просто... не понимаю. Как можно судить человека, не зная его?

Я пожимаю плечами:

— Видимо, им проще верить слухам, чем разбираться.

Он протягивает руку через стол и на мгновение касается моих пальцев. Лёгкое, почти невесомое прикосновение, но оно будто заряжает меня энергией.

— Ты не одна, — говорит он тихо. — Даже если кажется, что весь мир против тебя.

Я смотрю на него и понимаю: сегодня, в этом уютном кафе, с этим человеком, я, наконец, чувствую, что могу выдохнуть. Что хотя бы на один вечер мне не нужно быть «врачом Амели, которую хотят уволить». Я просто Амели. Девушка, которая смеётся, пьёт кофе и чувствует, как внутри разгорается крошечный огонёк надежды.

Официант приносит десерт. Чизкейк выглядит роскошно — густой шоколадный купол, украшенный вишней и листочком мяты. Тирамису Даниеля пахнет кофе и маскарпоне. Мы едим, продолжая разговаривать — уже о мелочах: о любимых книгах, о музыке, о местах, где мечтали побывать.

— Я всегда хотела увидеть Исландию, — говорю я, откусывая кусочек чизкейка. — Эти чёрные пляжи, гейзеры, северное сияние... Как будто другой мир.

— А я мечтаю снять рассвет над Сахарой, — отвечает он. — Представь: бесконечный песок, тишина, и первые лучи солнца, окрашивающие всё в золото.

Я улыбаюсь:

— Звучит как сказка.

— Обычно сказки принято воплощать в реальность.

Наши взгляды встречаются. В его глазах — что-то новое, тёплое, почти трепетное. И я понимаю: этот вечер — не просто встреча. Это момент, когда мир, казавшийся враждебным, вдруг становится чуть добрее.

Мы вышли из кафе почти в полночь. Воздух прохладный, свежий — осень уже рядом. Над головой — россыпь звёзд, редкие фонари отбрасывают на тротуар тёплые овальные пятна света.

Даниель идёт рядом, не торопится, словно тоже не хочет, чтобы этот вечер заканчивался.

— Спасибо за сегодняшний вечер, — говорю я искренне. — Я давно так не отдыхала.

Он улыбается, и в полумраке его глаза кажутся ещё глубже, синее.

— Это тебе спасибо. За то, что позволила увидеть тебя настоящую.

Мы замедляем шаг у моего подъезда. Он останавливается, смотрит на меня, будто хочет что-то сказать, но не решается. Вместо этого просто берёт мою руку, легко, почти невесомо касается пальцами запястья.

— Если понадобится помощь... просто позвони. В любое время.

Я киваю, чувствуя, как внутри что-то теплеет.

— Хорошо.

Он делает шаг назад, улыбается ещё раз и разворачивается. Его фигура постепенно растворяется в темноте, пока не сливается с ночной улицей. Я стою ещё несколько секунд, вдыхая прохладный воздух, чувствуя странную лёгкость — будто на один вечер мне удалось сбросить тяжёлый груз.

Поднимаюсь по лестнице, открываю дверь квартиры. Внутри — тишина и уют. Сбрасываю туфли, включаю ночник, и мягкий свет заливает комнату, превращая её в маленькое убежище.

Скидываю платье, надеваю любимую пижаму, забираюсь под одеяло. Закрываю глаза, и впервые за неделю напряжение отпускает. Мысли замедляются, тело расслабляется. Я почти проваливаюсь в сон, когда...

Вибрация.

Резко открываю глаза. Телефон лежит на тумбочке, экран светится. Тянусь к нему, сердце стучит где-то в горле.

На экране — сообщение от неизвестного номера:

Я слежу за тобой.

Страх

Я проснулась от настойчивого звона будильника. Резко села в постели, ещё не до конца осознавая, где нахожусь. В висках стучало — видимо, снова спала беспокойно. Часы показывали 6:30. Ещё есть время собраться, но каждая минута сейчас казалась бесконечно тяжёлой.

В ванной я долго смотрела на своё отражение в зеркале. Бледная кожа, тени под глазами — последствия бессонных ночей. Включила воду, отрегулировала температуру и шагнула под тёплые струи. Вода стекала по плечам, смывая остатки сна, но не тревоги.

Вытершись, подошла к зеркалу снова. Нанесла лёгкий увлажняющий крем, стараясь не смотреть себе в глаза. Потом взялась за расчёску. Волосы послушно ложились в привычную причёску — аккуратный хвост. Достала из шкатулки бабушкину заколку с крошечными жемчужинами. Её прохладные грани приятно коснулись кожи, когда я закрепила прядь. Эта заколка всегда придавала мне уверенности — словно невидимая связь с прошлым, с теми временами, когда всё было проще и понятнее.

На кухне заварила зелёный чай, но пить не стала. Аппетита не было. Вместо завтрака накинула легкое пальто и вышла на улицу. Утро выдалось прохладным, воздух пах свежестью и едва уловимой горечью опавших листьев. Я шла по знакомой дороге к кофейне, засунув руки в карманы. Мысли крутились вокруг сообщения от Селесты, которое пришло ночью: *«Нам нужно поговорить»*.

Что она хочет сказать? Извиниться? Объяснить свой поступок? Или, может, снова что-то придумать — оправдание, которое должно всё исправить? Я сжала кулаки в карманах. Злость поднималась изнутри, горячая и колючая. Как она могла? Мы дружили столько лет, делились всем — мечтами, страхами, секретами. А она взяла и выставила меня на всеобщее обозрение, словно я — просто картинка для её победы.

Кофейня встретила меня уютным теплом и ароматом свежесваренного кофе. Я заказала капучино и села у окна. Наблюдала, как люди спешат по своим делам, и думала: а каково это — жить обычной жизнью, без груза чужого осуждения? Без ежедневных взглядов, полных осуждения или любопытства. Без страха открыть соцсети и увидеть очередную порцию ненависти.

Телефон в кармане завибрировал. Снова Селеста. Я посмотрела на экран, но не стала отвечать.

Допивая кофе, я посмотрела на часы. Пора на работу. Вышла на улицу, вдохнула прохладный воздух и направилась в сторону поликлиники. Каждый шаг отдавался в голове вопросом: что дальше?

Я захожу в больницу, привычно кивая охраннику у входа. В коридорах непривычно гудят голоса — пациенты, их родственники, коллеги. Сегодня я пришла позднее, чем обычно. Я чувствую на себе взгляды, слышу приглушённые перешёптывания, но теперь они будто скользят по мне, не проникая внутрь. Раньше каждое слово ранило, будило стыд, заставляло заново переживать тот ужасный момент, когда меня увидели почти голой. Сейчас же внутри словно вырос невидимый панцирь — не идеальный, но достаточный, чтобы держаться на ногах.

Моя смена начинается. Первая пациентка — маленькая Лиза, ей шесть. Она пришла с папой, который явно не знает, как себя вести: то пытается шутить, то вдруг замолкает, бросая на меня неловкие взгляды. Я стараюсь сосредоточиться на девочке, на её симптомах, но чувствую, как его глаза скользят по мне. Это неприятно, но я научилась не показывать, что замечаю.

— Лиза, покажи, где болит? — спрашиваю я, улыбаясь.

Она указывает на горло, шёпотом жалуется на боль при глотании. Пока я осматриваю её, папа Лизы стоит в стороне, переминается с ноги на ногу, потом вдруг спрашивает:

— А вы давно работаете здесь?

Я киваю, не отрываясь от осмотра:

— Уже три года.

Он что-то бормочет в ответ, но я не прислушиваюсь. Закончив с Лизой, выписываю рекомендации и отправляю их к стойке регистрации.

Следующий пациент — мальчик лет десяти с отцом. Ситуация повторяется: пока я занимаюсь ребёнком, папа то и дело поглядывает на меня, иногда даже забывается и смотрит слишком долго. Я сжимаю зубы, но держу лицо. Это часть работы, напоминаю себе. Просто часть работы.

В перерыве я захожу в комнату отдыха и нахожу там Джулию, свою напарницу. Она уже наливает себе кофе и, увидев меня, улыбается:

— Привет! Как твои?

— Нормально, — отвечаю я, доставая свой термос. — Хотя от отцов некоторых пациентов уже голова болит.

Джулия хмыкает:

— Да, они иногда ведут себя как подростки. Не обращай внимания. Ты же знаешь, тут половина города либо тебя обсуждает, либо на тебя заглядывается.

Я вздыхаю:

— Иногда хочется надеть балахон до пят.

— Не вздумай! — она шутливо поднимает палец. — Ты и так слишком серьёзно ко всему относишься. Давай лучше расскажи, как твои дела вне больницы? Есть кто-то интересный?

Я колеблюсь, но решаю не утаивать:

— Ну, есть один журналист... Даниель. Мы пару раз встречались.

— О-о-о! — Джулия оживает. — Рассказывай!

Но тут раздаётся звонок моего телефона — сообщение от Даниеля, как будто он почувствовал: «Привет! Надеюсь, твой день проходит лучше, чем вчера. Думал о тебе. Может, как-нибудь снова встретимся?»

Сердце чуть ускоряется, но я отвечаю сдержанно: «День как день. Но мысль о встрече радует. Давай обсудим позже?»

Только убираю телефон, как меня вызывают к главному врачу. В его кабинете царит строгий порядок: книги на полках, бумаги на столе, портрет Гиппократов на стене. Она смотрит на меня внимательно, но без осуждения.

— Амели, я поговорила с теми, кто подал петицию о твоём увольнении, — начала она. — Они немного успокоились. Но я должна ещё раз предупредить: будь аккуратнее. Один неосторожный шаг — и я уже не смогу тебя прикрыть.

Я киваю:

— Я понимаю. Постараюсь.

— Ты хороший врач, Амели. В этом городе таких мало. Я не хочу терять тебя из-за глупого скандала. Но и ты должна понимать: люди здесь консервативны. Им нужно время, чтобы принять то, что для тебя — обычное дело.

— Я постараюсь быть осторожнее, — повторяю я.

Он вздыхает:

— Хорошо. Иди работай.

Остаток смены проходит в привычной рутине: осмотры, назначения, разговоры с пациентами. К вечеру я почувствовала усталость, но она уже не такая изматывающая, как раньше.

Выхожу из больницы, вдыхаю прохладный вечерний воздух. Где-то вдали смеются дети, шумит проезжающая машина. Я достаю телефон, ещё раз перечитываю сообщение от Даниеля и улыбаюсь. Может быть, всё не так плохо. Может быть, у меня получается находить баланс между работой, сплетнями и жизнью за пределами больницы.

И, может быть, однажды этот панцирь станет не нужен.

Я уже почти дошла до остановки — оставалось всего несколько шагов по прохладному вечернему тротуару. Ветер лениво гонял по асфальту пожухлые листья, а в воздухе витал лёгкий запах дождя, будто небо только-только пролило пару капель и теперь затаило дыхание.

Я поправила ремешок сумки на плече и потянулась к карману за телефоном, как вдруг он завибрировал с такой силой, что чуть не выскользнул.

На экране высветилось имя «Селеста». Сердце невольно сжалось, будто кто-то невидимый сжал его ледяной рукой. После того, что случилось, я не была уверена, что готова с ней разговаривать. Воспоминания нахлынули волной. Я стояла, уставившись на горящую надпись, и пыталась решить — ответить или сделать вид, что не заметила. Пальцы сами нажали «принять».

— Амели, привет, — её голос звучал как всегда легко и непринуждённо, с игривой ноткой, будто ничего и не было. Ни тени напряжения, ни намёка на недавнюю ссору.

— Привет, — ответила я коротко, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Сжала телефон крепче, чувствуя, как прохладная поверхность корпуса немного успокаивает.

Повисла пауза. Я слышала её дыхание в трубке — ровное, почти беззвучное, — и мысленно перебирала варианты, как бы поскорее закончить разговор. «Я в автобусе, плохо слышно», «Сейчас занята, перезвоню», «У меня встреча через пять минут»... Но ни одна из отговорок не казалась достаточно убедительной.

— Мне нужно с тобой встретиться. Сегодня. Это важно, — сказала она без предисловий, без обычных светских формальностей. В её тоне проскользнула непривычная твёрдость, от которой по спине пробежал холодок.

Внутри всё сжалось. Я хотела отказать, найти хоть какую-то причину, но слова будто застряли в гортани, скованные невидимым замком. Вместо этого я услышала собственный голос — спокойный, почти чужой:

— Хорошо. Давай встретимся.

Она продиктовала адрес — кафе на углу Пятой и Мейпл-стрит, место, где мы когда-то проводили часы за чашками какао и бесконечными разговорами. Я машинально достала блокнот, записала координаты дрожащей рукой, отметив, как чернильная точка расплылась на бумаге. Разговор закончился так же внезапно, как и начался: короткое «до встречи» — и гудки в трубке.

Пока направлялась домой, представляла нашу встречу. Мысли крутились в голове, словно листья на ветру, — хаотично, неуправляемо. Зачем она хочет встретиться? Что собирается сказать? Может, хочет извиниться? Или, наоборот, выложить обвинения? И почему я согласилась, хотя каждая клеточка моего тела кричала: «Откажи! Не ходи!»

Через полчаса я уже поднималась по лестнице в свою съёмную квартиру — два пролёта старого дома с поскрипывающими ступенями и запахом воска от паркетной мастики. Это место было моим убежищем — маленький островок спокойствия в бурлящем океане жизни. Здесь я могла быть собой: не улыбаться сквозь слёзы, не подбирать слова, не притворяться сильной.

Сбросив обувь, я прошла в ванную. Включила воду, отрегулировала температуру до приятно-тёплой, и струи дождя из душевой лейки окутали плечи. Пар медленно заполнял комнату, размывая очертания зеркала. Я закрыла глаза, позволяя воде смыть напряжение, но тревога всё ещё сидела где-то внутри — как камешек в ботинке, незаметный, но мешающий идти.

Вытершись мягким полотенцем, я долго выбирала, что надеть. Перебрала полдюжины вещей: то казалось слишком ярким, то чересчур официальным, то напоминало о днях, когда мы были неразлучны. В итоге остановилась на простых джинсах и светлой блузке — ничего вызывающего, ничего, что могло бы привлечь лишнее внимание. Глянула в зеркало: глаза немного уставшие, с тенью недосыпа, но в целом выгляжу нормально. Даже улыбнулась своему отражению — криво, неуверенно, но это уже что-то.

Телефон пискнул — пришло сообщение с уточнением места встречи. Я открыла карту, и сердце ухнуло вниз. Бар-клуб «Эклипс». Конечно, куда же ещё. Место, где всё и началось — наша первая вечеринка, её смех, мой неловкий танец под громкую музыку. Я сглотнула, чувствуя, как внутри всё похолодело. Это не случайность. Она выбрала его намеренно.

Вызов такси занял пару минут. Всю дорогу я смотрела в окно, пытаюсь собраться с мыслями. Город зажигался огнями: витрины магазинов вспыхивали разноцветными гирляндами, фонари рисовали на асфальте причудливые узоры, а люди спешили по своим делам — смеялись, разговаривали, обнимались. Обычная вечерняя суeta, такая далёкая от моего внутреннего хаоса. А я ехала навстречу разговору, которого так боялась, — как солдат на поле боя, не зная, выживет ли.

Когда такси остановилось у ярко освещённого входа, я на секунду замерла. Взгляд скользнул по неоновой вывеске, по силуэтам прохожих. Глубокий вдох — воздух с привкусом бензина и предосенней сырости. Выдох. Пора.

Я толкнула тяжёлую дубовую дверь, и меня окутал густой, тёплый воздух бара. Внутри царил приглушённый свет — лишь редкие лампы над столиками пробивались сквозь табачный туман, которого, к счастью, уже почти не было: в Британии с этим строго. Но дух старого паба остался: тёмные деревянные балки на потолке, потёртые кожаные диваны вдоль стен, массивные столы с царапинами, хранящими истории десятиков лет.

Бар был полон — несмотря на то, что завтра рабочий день, люди тянулись сюда, словно искали убежища от сырости, пропитавшей улицы. У стойки толпились мужчины в рубашках с закатанными рукавами, смеялись, перебивая приглушённый рок из динамиков. За дальними столиками парочки шептались что-то друг другу, склонившись через кружки с элем.

И вот я увидела её.

Селеста сидела у окна, за маленьким круглым столиком, на котором дрожал огонёк свечи в грубом стеклянном подсвечнике. Она выглядела так, как всегда: безупречная укладка, яркий макияж, платье, которое, казалось, шили специально для того, чтобы ловить взгляды. Она была красива — раздражающе красива, как картина, которую ты ненавидишь, но не можешь перестать разглядывать.

Но сегодня что-то было не так. Её поза — обычно такая царственная, с идеально прямой спиной — казалась напряжённой. Пальцы нервно теребили ножку бокала, а взгляд, обычно уверенный и чуть насмешливый, сейчас скользил по лицам посетителей, будто она искала кого-то или, наоборот, боялась увидеть.

Мне стало не по себе.

Я медленно двинулась к её столику, каждый шаг давался с трудом. Внутри всё сжималось от смеси гнева, обиды и — чего уж скрывать — тревоги. Я до последнего не хотела верить, что она специально выложила те снимки. Мы дружили столько лет... Неужели она могла?

Подойдя ближе, я заметила, как её глаза на мгновение расширились, когда она меня увидела. Она тут же попыталась скрыть волнение, натянула привычную улыбку, но я успела уловить этот миг — миг настоящей, неприкрытой растерянности.

— Селеста, — мой голос прозвучал тише, чем я планировала. Я остановилась у столика, не решаясь сесть.

Она подняла на меня взгляд — и в нём было что-то новое. Не высокомерие, не игра, а... страх? Вина? Я не могла понять.

— Амели, — она кивнула, указывая на стул напротив. — Садись.

Я опустилась на сиденье, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле. Запах её духов — сладкий, навязчивый — ударил в нос, и я невольно вспомнила, как мы вместе выбирали этот аромат в парижском бутике. Тогда она смеялась, говорила, что он будет напоминать ей о лете. Теперь он казался мне ядовитым.

Молчание повисло между нами, тяжёлое, как свинцовая завеса. Я смотрела на неё, пытаюсь прочесть правду в её глазах, но она, как всегда, была мастером маскировки.

— Ты хотела поговорить, — наконец произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Так говори.

Я смотрела на Селесту и не могла поверить своим глазам. Она сидела передо мной — всё такая же безупречная, словно сошла с обложки глянцевого журнала, а в руках — конверт, от вида которого у меня сжалось сердце.

— Амели, — начала она, протягивая конверт. Её голос звучал непривычно мягко, почти робко. — Я хочу поделиться с тобой. Это часть моего выигрыша. Без тебя я бы не победила. Твоя чувственность... она зацепила всех. Именно благодаря тебе меня заметили.

Я невольно задержала дыхание, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. Кровь прилила к лицу, а в груди застучало так громко, что, казалось, это слышно окружающим.

— Ты что, пытаешься меня купить? — мой голос прозвучал резче, чем я хотела. Я сжала кулаки, стараясь сдержать эмоции. — Эти деньги... они ничего не исправят, Селеста. Ничего!

Она вздрогнула, словно от удара, но не отступила. Её пальцы крепче сжали конверт, а улыбка на секунду дрогнула, обнажив уязвимость, которую она так старательно скрывала.

— Я знаю, что это не компенсация, — быстро заговорила она, глядя мне прямо в глаза. — Это просто... просто знак того, что я понимаю, насколько виновата. Я слышала, что на тебя обрушилось после тех снимков. Коллеги шептались, начальство вызывало на разговор... Я хотела написать, хотела помочь, но... не нашла в себе сил.

В её глазах мелькнула искренняя боль, и на секунду я заколебалась. Воспоминания нахлынули волной: осуждающие взгляды коллег в больнице, дрожащий голос начальницы во время разговора, вынужденный переезд из родительского дома, который я так любила...

— Не нашла сил? — я почти выкрикнула это, и мой голос эхом отразился от стен бара. — А подумать о последствиях ты вообще не пыталась? Теперь я могу потерять работу! Мне пришлось уехать из дома! Всё из-за тебя, Селеста!

Она опустила глаза, сжимая конверт в руках так сильно, что побелели костяшки пальцев. Несколько секунд молчания повисли между нами, тяжёлые, как свинцовые гири.

— Я знаю. И я бесконечно извиняюсь. Да, я сделала это ради победы. Но я никогда не хотела, чтобы ты пострадала. Честно. — Она подняла взгляд, и в её глазах стояли слёзы. — Я каждый день думала о том, как всё вышло. Представляла, что ты чувствуешь... и не знала, как подойти.

Мы замолчали. В баре играла тихая джазовая мелодия, вокруг смеялись посетители, кто-то оживлённо обсуждал планы на выходные. А мы сидели посреди этого беззаботного мира, погружённые в свой тяжёлый разговор. Я смотрела на неё и пыталась понять: это искренность или очередная игра?

Вдруг я заметила, как дрожат её руки. Конверт чуть не выпал, и она судорожно подхватила его. И в этот момент что-то во мне дрогнуло. Она выглядела такой потерянной, совсем не похожей на ту уверенную победительницу, которую все видели на конкурсе.

— Ладно, — выдохнула я, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Я опустилась в кресло. — Давай просто... поговорим. И, знаешь, может, закажем что-нибудь покрепче?

Селеста кивнула, и в её глазах блеснули слёзы. Она села, аккуратно положив конверт на стол, но не отпуская его из виду.

— Алкогольные коктейли? — неуверенно предложила она, пытаясь улыбнуться. — Здесь, кажется, хорошие миксы.

— Да, — я слабо улыбнулась в ответ. — И не один.

Мы заказали коктейли — яркие, многообещающие, с зонтиками и вишенками. Первый выпили почти залпом, не говоря ни слова. Второй — уже медленнее, начиная осторожно касаться болезненных тем.

— Я так боялась, что меня не заметят, — тихо призналась Селеста, крутя в руках соломинку. — Все эти годы я работала, совершенствовалась, но оставалась в тени. А тут такой шанс... Я подумала: одна твоя история в снимках, и всё изменится.

— А обо мне ты подумала? — я посмотрела на неё, но уже без гнева, скорее с печалью. — Я ведь доверяла тебе. Мы были подругами.

— Знаю. И это самое ужасное. — Она опустила голову. — Я оправдывала себя тем, что ты сильная, что справишься. Но теперь вижу, как ошибалась.

С каждым глотком, с каждым словом напряжение между нами таяло. К третьему коктейлю мы уже смеялись над тем, как нелепо всё вышло. Селеста рассказывала, как пряталась за кулисами перед выходом, как у неё подкашивались ноги от страха. Я делилась тем, как пыталась справиться с волной негатива, как искала способы сохранить работу, переписывая резюме ночами.

— Знаешь, — сказала я, глядя в свой почти опустевший бокал, — я всё ещё злюсь. Но... я понимаю, что ты не хотела причинить мне вред. Ты просто хотела победить.

— Спасибо, — тихо ответила она, и её голос дрогнул. — Этого уже много. Я не жду, что ты простишь меня сразу. Но я хочу исправить то, что натворила.

Мы допили коктейли и заказали ещё по одному. На этот раз — чтобы отметить начало нового этапа. Не дружбы, нет. Но хотя бы понимания. И прощения.

Я посмотрела на Селесту и неожиданно для себя улыбнулась — по-настоящему, без тени напряжения.

— Знаешь, — сказала она, поймав мой взгляд, вставая и протягивая мне руку, — давай забудем обо всём хотя бы на пять минут. Пойдём танцевать?

Я удивлённо подняла глаза на нее, потом нерешительно улыбнулась в ответ. Мы вышли на небольшую площадку, где уже двигались в ритме музыки несколько пар. Свет приглушили, в воздухе витал аромат коктейлей и тёплого дерева, а из динамиков лилась плавная мелодия — что-то джазовое, с глубоким басом и переливами саксофона.

Сначала мы просто стояли, привыкая к пространству и музыке. Потом Селеста сделала первый шаг, слегка покачивая бёдрами в такт. Я последовала за ней — сначала робко, потом всё увереннее. Мы не пытались исполнять сложные па, просто чувствовали музыку и друг друга.

Я закрыла глаза, отдаваясь ритму. Тело двигалось само: плавные повороты, лёгкие взмахи руками, шаги вперёд-назад. Селеста подхватила мой настрой — её движения стали свободнее, она начала импровизировать, то отступая, то приближаясь, словно вела со мной безмолвный диалог. Мы смеялись, когда сбивались с ритма, и снова находили его, переплетая движения.

В какой-то момент я ощутила невероятное облегчение — будто все слова, обиды, недосказанность растворились в музыке. Я чувствовала, как уходит тяжесть из плеч, как дыхание становится ровнее, а мысли — яснее. Мы кружились, то сближаясь, то отдаляясь, словно две части одного целого, наконец нашедшие друг друга.

Но вдруг... Я замерла на полудвижении. По спине пробежал холодок. Где-то сбоку, в полумраке, мелькнул блик — словно от объектива камеры. Я резко повернула голову, пытаюсь разглядеть источник, но вокруг были только танцующие силуэты.

Музыка продолжала играть, но я уже не могла сосредоточиться. Ощущение, что за нами наблюдают, стало невыносимым. Голова закружилась — то ли от коктейлей, то ли от внезапного приступа тревоги.

— Селеста, — я схватила её за руку, прерывая танец. — Нам нужно уйти.

Она посмотрела на меня с недоумением, но, увидев моё лицо, не стала задавать вопросов. Мы быстро прошли через зал, оставив позади яркие огни и весёлую суету. На улице прохладный ночной воздух немного привёл меня в чувство.

— Что случилось? — тихо спросила Селеста, когда мы остановились у обочины.

— Мне показалось... — я запнулась, пытаюсь подобрать слова. — Кто-то снимал нас. Там, в баре.

Она нахмурилась, потом кивнула:

— Понятно. Давай просто поедem домой. Можно я позвоню тебе на выходных? Просто чтобы узнать, как ты.

Я посмотрела на неё, на эту женщину, которая когда-то была моей подругой, а потом стала причиной моих бед. И кивнула.

— Позвони.

Я проснулась от пронзительного, почти режущего слух звона будильника. Резкий звук ворвался в сознание, заставляя вздрогнуть и тут же пожалеть об этом — голова взорвалась тупой, пульсирующей болью. Казалось, будто внутри неё устроили масштабную стройку: молотки стучат в такт неумолимому ритму, дрели визжат, а тяжёлые предметы с грохотом падают на бетонный пол. В висках нарастал глухой, монотонный стук, от которого темнело в глазах. Во рту царила настоящая пустыня Сахара — сухость сковывала язык, делала каждое движение челюстью мучительным.

«Два дня... всего два рабочих дня, а потом выходные», — мысленно повторяла я, словно мантру, пытаюсь собрать разбегающиеся мысли. Эти слова должны были придать сил, но вместо этого лишь подчёркивали изнуряющую тяжесть состояния. Я лежала, уставившись в потолок, и боролась с собой — с каждым мгновением победа над собственным телом казалась всё менее вероятной.

С огромным трудом, преодолевая сопротивление каждой мышцы, я заставила себя подняться. Тело будто налилось свинцом: руки и ноги двигались медленно, неохотно, будто принадлежали кому-то другому. Пошатываясь, я поплелась в ванную, едва различая очертания предметов в полумраке раннего утра.

Зеркало встретило меня неприглядной реальностью. Отражение выглядело так, словно пережило стихийное бедствие: глаза припухли и покраснели, под ними залегли тёмные круги, кожа приобрела болезненно-бледный оттенок. Волосы, обычно аккуратно уложенные, превратились в спутанное воронье гнездо — пряди торчали в разные стороны, некоторые прилипли к лицу. Я провела рукой по лицу, пытаюсь стереть следы бессонной ночи, но это не помогло.

Включив холодную воду, я подставила ладони под струю и плеснула себе в лицо. Освежающая волна ненадолго привела в чувство: кожа покрылась мурашками, а сознание чуть прояснилось. Но гул в голове не утихал — он лишь слегка приглушился, оставшись фоновым сопровождением моего утреннего кошмара.

Память работала фрагментами, словно сломанный проектор, выдающий случайные кадры. Перед глазами вспыхивали яркие образы: залистый смех Селесты, пульсирующие огни танцпола, громкая музыка, от которой дрожали стены, вихрь танцующих людей. Потом — такси, мелькающие в окне огни города, разговор... Тот самый разговор, которого я так долго избегала. Наконец-то честный, открытый, без масок и недомолвок. Мы всё прояснили, сняли груз недопонимания, который давил на нас. Это принесло облегчение — лёгкое, почти неведомое чувство свободы.

Но поверх этой хрупкой радости лежало привычное чувство тревоги. Оно стало моим постоянным спутником в последние дни, словно тень, следующая по пятам. Я не могла точно определить его источник, но оно сжимало грудь, мешало дышать полной грудью, заставляло настороженно оглядываться по сторонам.

Собрав волю в кулак, я начала собираться на работу. Каждое движение требовало усилий: натянуть любимую блузку оказалось испытанием, застёгивать пуговицы — почти подвигом. Юбка послушно обвила бёдра, пальто добавило немного тепла и ощущения защищённости. В последний момент я схватила сумку, бросила взгляд на зеркало — и сердце упало, словно сорвалось с обрыва.

Бабушкина заколка, та самая, с маленьким сапфиром, осталась на тумбочке. Я помнила, как положила её туда вечером, намереваясь взять утром. Теперь она лежала там, холодная и безмолвная, словно предупреждая о чём-то. Плохой знак. Очень плохой. Я заколебалась, раздумывая, стоит ли вернуться за ней, но время поджимало — опоздание только усугубило бы ситуацию. С тяжёлым вздохом я вышла из квартиры.

Дорога на работу превратилась в мучительный марафон. Каждый шаг отдавался пульсацией в голове, будто маленькие молоточки били по вискам в унисон с шагами. Холодный ветер пронизывал до костей, заставляя вжимать голову в плечи и кутаться в пальто. Мысли крутились вокруг прошлой ночи, безжалостно воспроизводя сцены, которые я хотела бы забыть.

«Ну почему я не остановилась на втором коктейле? Почему не ушла раньше?» — корила себя я, чувствуя, как стыд обжигает изнутри. Воображение рисовало картины: я, потерявшая контроль, смеющаяся слишком громко, танцующая слишком безудержно. Эти образы смешивались с реальностью, делая каждый шаг ещё тяжелее.

В больнице всё пошло ещё хуже. Я едва успела повесить пальто на крючок, как уловила перешёптывания за спиной. Голоса были тихими, но отчётливыми — словно шелест листьев в безветренный день. Коллеги опять бросали косые взгляды, кто-то тихо хихикал, прикрывая рот ладонью. Их лица выражали смесь любопытства и осуждения, и от этого становилось не по себе.

«Неужели до сих пор обсуждают историю с «голым врачом»?» — думала я, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой комок.

Я попыталась сосредоточиться на работе, но внимание рассеивалось, словно дым на ветру. Каждый шорох заставлял вздрагивать, каждый взгляд — ощущать себя под прицелом невидимых камер. Но правда оказалась куда страшнее моих опасений.

Около полудня в кабинет влетела Джулия. Её лицо было бледным, глаза широко раскрыты, а в руке она сжимала телефон, словно он мог обжечь её.

— Амели, ты видела? — её голос дрожал от смеси шока и любопытства, прорываясь сквозь гул в моей голове.

Я молча посмотрела на неё, не понимая, о чём речь. Она поднесла телефон ближе, и мой взгляд упал на экран. Там была я. Пьяная, раскрасневшаяся, с безумным блеском в глазах. Танцующая под улюлюканье толпы. Камера тряслась, но лицо было видно отчётливо: я кривлялась, махала руками, пыталась сделать что-то вроде сальто... и с грохотом падала в объятия незнакомых людей.

Мир рухнул. Время остановилось. Звуки стихли, оставив лишь бешеный стук сердца в ушах. Я словно выпала из реальности, наблюдая за происходящим со стороны.

— Это... это не я, — прошептала я, хотя понимала: отрицать бессмысленно. Изображение было слишком чётким, слишком узнаваемым. Это была я — но другая, чужая, потерявшая контроль.

— Вирусняк уже в соцсетях, — добавила Джулия, глядя на меня с жалостью, которая резанула больнее любого упрёка. — Тысячи просмотров. Комментарии сыплются как из рога изобилия.

Весь день я работала как в тумане. Руки дрожали, слова пациентов доносились словно сквозь вату. Я кивала, улыбалась, пыталась сосредоточиться, но мысли крутились по одному и тому же кругу: *«Как? Почему именно сейчас? Почему я не контролировала себя?»*

Каждый взгляд коллег казался осуждающим, каждый шёпот — обвинением. Я вновь чувствовала себя выставленной на показ, словно насекомое под микроскопом. Работа, которая обычно приносила удовлетворение, превратилась в пытку. Я ошибалась в мелочах, забывала важные детали, теряла нить разговора.

А потом пришло сообщение. Экран телефона вспыхнул, выведя меня из оцепенения.

«Аmeli, это правда ты на видео? Может, это ИИ или монтаж? — писал Даниель. Его слова звучали осторожно, но в них читалось разочарование. — Если это ты, то, может, объяснишь? Мне важно понять».

Пальцы дрожали, набирая ответ. Я хотела солгать, придумать оправдание, но слова сами сложились в признание.

«Да, это я. Я перепила. Была счастлива из-за примирения с Селестой, потеряла бдительность. Прости», — напечатала я и нажала «отправить», чувствуя, как сердце сжимается в ожидании ответа.

Он промолчал. Три точки появлялись и исчезали, но сообщение так и осталось без ответа. Эта тишина была хуже любых слов.

К концу смены меня вызвали к главному врачу. Я шла по коридору, словно на казнь. Каждый шаг отдавался гулом в ушах, ладони вспотели, а в горле стоял ком.

Кабинет. Строгий, почти аскетичный интерьер. За большим столом — она. Взгляд холодный, непроницаемый, словно лёд. На столе — распечатка скриншотов из того самого видео. Мои искажённые гримасы, нелепые позы, позорные моменты — всё было здесь, выставленное напоказ.

— Амели, вы понимаете, что это скандал? — её голос звучал холодно, без намёка на сочувствие. — Репутация клиники, ваша должность... Вы же знали, что нужно быть осторожнее!

Я пыталась объяснить. Слова лились потоком, сбивчивые, торопливые. Говорила о стрессе, который копился месяцами, о дружбе, которая наконец-то наладилась, о том, как долго мы с Селестой не могли найти общий язык. О том, что это был единственный вечер, когда я позволила себе расслабиться, сбросить груз ответственности, почувствовать себя живой.

Сначала она была непреклонна. «Увольнение», — прозвучало как приговор, коротко и безжалостно. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног, как мир сжимается до размеров этой комнаты. Но потом, после долгой паузы, добавила:

— Возьмите неделю отпуска. Придите в себя. Решите, кто вы на самом деле. И кем хотите быть.

Я вышла из кабинета, едва держась на ногах. В голове — пустота. Только одно ясно: эта неделя станет переломной. Или я найду баланс между собой настоящей и той, кем меня хотят видеть, или потеряю всё.

Я шла домой пешком, и с каждым шагом тревога сжимала грудь всё сильнее. Казалось, что за мной следят — не просто смотрят, а целенаправленно наблюдают, фиксируют каждое движение. Я то и дело оборачивалась, но видела лишь случайных прохожих, которые спешили по своим делам. Однако ощущение не пропадало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.